

Гилберт Кит
ЧЕСТЕРТОН

Все рассказы
об отце Брауне

Гилберт Кит Честертон
Все рассказы об отце Брауне

«Издательство АСТ»

1911-1936

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Честертон Г.

Все рассказы об отце Брауне / Г. Честертон — «Издательство АСТ», 1911-1936

ISBN 978-5-17-147291-7

Рассказы об отце Брауне – это маленькие шедевры британского классического детектива, ставшие настоящим литературным феноменом. Об этом герое писали пьесы, сочиняли мюзиклы и даже рисовали комиксы. Рассказы Честертон не раз экранизировали в Англии и США, Германии и Италии, и неизменно экранизациям сопутствовал успех. И до сих пор читатели во всем мире снова и снова восхищаются проницательностью знаменитого патера.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147291-7

© Честертон Г., 1911-1936
© Издательство АСТ, 1911-1936

Содержание

Н. Л. Трауберг	6
Неведение отца Брауна	9
Сапфировый крест[2]	11
Сокровенный сад[11]	21
Странные шаги[12]	33
Летучие звезды[16]	47
Невидимка[22]	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Гилберт Кит Честертон

Все рассказы об отце Брауне

Серия «Все в одном томе»

Перевод с английского

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Н. Л. Трауберг

Печаль отца Брауна

Честертон выходит обычно с какой-нибудь аннотацией. Они меняются. Готовя первое свободное издание, худлитовский трехтомник 1990 года, пришлось писать очень много, восполняя то, что раньше скрывали. Теперь можно обойтись без ликбеза – есть где почитать и о Честертоне, и о христианстве. Однако в многочисленные статьи вошло не все, о чем стоит подумать, если взялся за этого странного писателя. Станный он не потому, что «эксцентричный». Ни эксцентрика, ни склонность к игре уже никого не удивляют. Писатели последних десятилетий намного превзошли в этом Честертон, но строчка из стихотворного письма Мориса Бэринга так же верна, как и в 1907 году:

Таких, как вы, в Европе больше нет.

Сменились сотни мод и традиций, но «таких» – по-прежнему нет даже среди прославленных апологетов христианства, писавших позже, чем он. Если сопоставить его хотя бы с К. С. Льюисом, почувствуешь, что Льюис поприличней, посерьезней, можно сказать – повзрослей.

При всей любви к Льюису, Дороти Сэйерс, Чарльзу Уильямсу я вынуждена признать, что Честертон резче и явственней их всех противостоит стереотипам «мира сего». Не случайно его сравнивают и с юродивыми, и с блаженными в евангельском смысле слова. Одно из обычных для него несоответствий «миру» – сочетание свойств, которые считают несовместимыми и даже противоположными. Собственно, весь брауновский цикл стоит на сочетании простодушия с мудростью.

Не случайно первый сборник называется «The Innocence of Father Brown», второй – «The Wisdom of Father Brown», а биография Честертон, написанная Джоном Пирсом, – «Wisdom and Innocence».

Сочетание это исключительно важно. Для Честертон оно было открытием. В 1904 году он встретился у общих знакомым с отцом Джоном О'Коннором. Какие-то молодые люди, снисходительно признавая достоинства веры, сокрушались о том, что священники не знают темных сторон жизни. Позже Честертон пошел гулять со священником и был поражен тем, какие глубины зла тот знает. В первом же рассказе об отце Брауне про это сказано так:

«Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немного знать мирское зло? Что ж нам, священникам, делать? Приходят, рассказывают».

Название первого сборника переводили по-разному в 1920-х годах. Были и «Простодушие», и «Невинность». Слово *innocence* содержит эти значения, но теперь привилось «Неведение»¹, может быть – чтобы подчеркнуть линию, противоположную мудрости.

Однако сейчас я хотела поговорить о другом сочетании свойств, не главном для цикла, но тоже очень важном. В церковнославянском языке есть слово «радостоскорбие». Честертону оно бы очень подошло.

Принято считать его оптимистом. Об этом сейчас говорить не буду, он сам неоднократно отвечал на такие обвинения. Но все-таки его, а не кого-нибудь другого называют «Учителем надежды».

Мы уйдем далеко, уточняя различие между бодрым, бесчувственным невниманием к скорби и злу и такой по-христиански странной добродетелью, как надежда. Сейчас подчеркнем одно: жизнерадостность Честертон достаточно заметна. Многих она раздражает. Одни не верят ей, другие – завидуют, третьим она кажется кощунственной, что было бы правдой, если

---

¹ Предложила его Раиса Померанцева, редактор сборника 1958 года. – *Примеч. Н. Трауберг.*

бы он был кем-то вроде сэра Аарона из «Трех орудий смерти». Но вот что, к большой нашей радости, пишет он в этом рассказе:

«— Как? – вскричал Мертон. – А наслаждение жизнью, которое он исповедовал?

– Это жестокое исповедание, – сказал священник. – Почему бы ему не поплакать, как плакали его предки?»

Сам Честертон знал печаль, а может быть – и плакал. Во всяком случае, он напоминает в одном эссе о том, что и в Писании, и в истории мужчины слез не стыдились. Плакал ли отец Браун, мы не знаем, но бодрячком он точно не был. В отличие от многих наших неопитов, он не путал с радостью то, что Честертон назвал «оскорбительным оптимизмом за чужой счет».

Чтобы рассказать о том, когда и почему он печалился, попробую сперва немного отойти в сторону.

Самый прочный предрассудок религиозных людей связан с тем, что называют «непротивлением злу». Слова эти подсказывают уничтожающий ответ: а что же, по-вашему, христиане злу не противятся? По-видимому, согласиться с тем, что неприятие зла и насильственная борьба с ним – не одно и то же, слишком неудобно. Действительно, тело отдадут на сожжение, а от «добра с кулаками» не откажутся.

Кто не слышал, с каким наслаждением рассказывают о том или ином возмездии? Кроме прямого зла – злорадства, здесь есть и резонная тяга к справедливости, но толкуется она и решается совершенно по-мирски, словно нет ни притчи о плевелах, ни беседы в самарянском селении. Других мест из Евангелия приводить не буду. Каждый не только может прочесть их, но и, несомненно, читал. В тех слоях сознания и подсознания, где живут удобные стереотипы, получается примерно вот что: или тебе безразлично зло, или ты борешься с ним так, словно в 10-й главе от Матфея сказано не «овцы», а «волкодавы». Равнодушия к злу у Честертона и отца Брауна вроде бы нет. Зачем неуклюжий и тихий священник вмешивается во все эти дела, если зло ему безразлично? В его реакции иногда слышишь гнев (не злобу!), но особенно сильна в ней печаль. Редко встретишь такое точное изображение печали, прямо противоположной ее подобиям, от каприза до отчаяния, как в рассказе «Око Аполлона»: «Отец Браун сидел тихо и глядел в пол, словно стыдился чего-то», «морщась как от боли».

Пока он так сидит, сюжет движется, преступник обнаружен, и вдруг на вопрос друга:

«Схватить его?» – «Нет, пусть идет, – сказал отец Браун и вздохнул так глубоко, словно печаль его всколыхнула глубины Вселенной. – Пусть Каин идет, он – Божий».

Очень полезно посмотреть рассказы, замечая, что делает с преступником отец Браун, раскрывший преступление. Герой «Ока» совершенно ужасен, абсолютно уверен в себе, и священник предоставляет его Богу. Обычно же, когда преступление совершил заблудший человек, на месте которого отец Браун может представить себя, он или отходит в сторону, или беседует с ним, как с почтальоном в «Невидимке» или вором в «Алой луне Меру». Беседа с «невидимкой» – длинная, они долго гуляют, вора из «Луны» удастся привести к покаянию как-то уж очень быстро, но здесь мы священника не слышим. Лучше всего, если его слова нам доступны, как проповедь в саду, снизу вверх – Фламбо сидит на дереве («Летучие звезды»).

Иногда наказание предполагается – например, сам Браун приманил к Фламбо сыщика и полицию. Кстати, здесь очень заметно одно свойство Честертон: там, где логика ему не нужна, он от нее отмахивается. Читатель может угадать сам, отсидел ли Фламбо прежде, чем встретиться с патером Брауном в «Станных шагах» или в тех же «Звездах». Догадаться же, почему он не узнает человека, с которым в «Сапфировом кресте» провел целый день, вообще невозможно.

Кое-кого отец Браун спасает от наказания (например, в «Небесной стреле»), но это не главное. Наказан преступник по земному закону или не наказан, священник стремится к тому, чтобы он переменялся, покаялся. Остальное он с евангельской легкостью предоставляет другому суду. Легкость эта – не удобство, небрежение или легкомыслие. Она настолько же труд-

нее мирской тяжести, как хождение по воде труднее хождения по суше. Однако это именно легкость. Отец Браун не падает под грузом зла. Он приветлив и прост – перечитайте, как один из персонажей «Воскресения» вспоминает, видя его, самые скромные, связанные с детством вещи. Честертоновский священник неуклюж (иногда напоминания об этом назойливы), но он никогда не бывает «нервным». В «Поединке доктора Хирша» мы словно подглядываем, как он ест в уличном кафе, и соглашаемся с определением «непритязательный эпикуреец». Знание зла вызывает в нем очень глубокую печаль, но не ведет к болезненной искаленности.

Сам Честертон был не совсем таким. В нем оставалась подростковая воинственность, правда – только в спорах, безукоризненно рыцарских. Он тоже неуклюж, но иначе. В конце концов, отец Браун – маленький, а он – «человек-гора». Несмотря на размеры, Честертон «прыгуч и прыток» (так выразился он в «Маске Мидаса»), причем в пожилые годы эта манера объяснялась не столько радостью жизни, сколько доброжелательством, а может быть – застенчивостью. Во всяком случае, печаль он знал – и чисто христианскую, о мире, и обычную, из-за потерь и болезней. Однако своему любимому герою он дал не прыгучесть, а неловкость, высвечивая его смирение на фоне самодовольного мира.

Кроткие они оба. Честертон вообще был резок три раза в жизни: когда при нем обидели служанку, когда обидели секретаря и только один раз эгоистично, «по-человечески». Вспоминает об этом именно О'Коннор. Они близко дружили уже восемь лет, вышли два брауновских сборника, и вот – вечером, в саду – Честертон обо что-то споткнулся. О'Коннор поддержал его, он сердито вырвался – и упал, даже вывихнул руку. Стоит ли говорить, что он радовался скорому возмездию?

Отец Браун огражден волей автора от таких грехов и соблазнов. Если он повышает голос, значит, Честертон именно этого хотел. Случается это очень редко. В «Небесной стреле» он спорит с более сильными, в «Последнем плакальщике» тоже, но, главное, в его голосе много глубокой печали. Кажется, чистый случай гнева – один, «На скорую руку», но там, как бывало в 1930-е годы, Честертон вводит в его речь почти политический мотив. Священник при этом теряет то, к чему мы привыкли, это как будто не совсем он.

Но тут мы выходим к другим темам, которых, Бог даст, тоже коснемся. Пока же я хотела бы сделать прямо противоположное, а именно – подсказать, что «innocence – wisdom» и «мирная радость – печаль» говорят об одном и том же.

Неведение отца Брауна

НЕВЕДЕНИЕ ОТЦА БРАУНА

Сапфировый крест²

Между серебряной лентой утреннего неба и зеленой блестящей лентой моря пароход причалил к берегу Англии и выпустил на сушу темный рой людей. Тот, за кем мы последуем, не выделялся из них – он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания; разве что праздничное щегольство костюма не совсем вязалось с деловой озабоченностью взгляда. Легкий серый сюртук, белый жилет и серебристая соломенная шляпа с серо-голубой лентой подчеркивали смуглый цвет его лица и черноту эспаньолки, которой больше бы пристали брыжи елизаветинских времен. Приезжий курил сигару с серьезностью бездельника. Никто бы не подумал, что под серым сюртуком – заряженный револьвер, под белым жилетом – удостоверение сыщика, а под соломенной шляпой – умнейшая голова Европы. Это был сам Валантэн, глава парижского сыска, величайший детектив мира. А приехал он из Брюсселя, чтобы изловить величайшего преступника эпохи.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец выследила его, от Гента до Брюсселя, от Брюсселя до Хук ван Холланда³, и решила, что он поедет в Лондон, – туда съехались в те дни католические священники и легче было затеряться в сутолоке приезжих. Валантэн не знал еще, кем он прикинется – мелкой церковной сошкой или секретарем епископа; никто ничего не знал, когда дело касалось Фламбо.

Прошло много лет с тех пор, как этот гений воровства перестал будоражить мир и, как говорили после смерти Роланда, на земле воцарилась тишина⁴. Но в лучшие (то есть в худшие) дни Фламбо был известен не меньше, чем кайзер. Чуть не каждое утро газеты сообщали, что он избежал расплаты за преступление, совершив новое, еще похлеще. Он был гасконец, очень высокий, сильный и смелый. О его великаньих шутках рассказывали легенды: однажды он поставил на голову следователя, чтобы «прочистить ему мозги»; другой раз пробежал по Рю де Риволи с двумя полицейскими под мышкой. К его чести, он пользовался своей силой только для таких бескровных, хотя и унижающих жертву дел. Он никогда не убивал – он только крал, изобретательно и с размахом. Каждую из его краж можно было счесть новым грехом и сделать темой рассказа. Это он основал в Лондоне знаменитую фирму «Тирольское молоко», у которой не было ни коров, ни доярок, ни бидонов, ни молока, зато были тысячи клиентов; обслуживал он их очень просто: переставлял к их дверям чужие бидоны. Большею частью аферы его были обезоруживающе просты. Говорят, он перекрасил ночью номера домов на целой улице, чтобы заманить кого-то в ловушку. Именно он изобрел портативный почтовый ящик, который вешал в тихих предместьях, надеясь, что кто-нибудь забредет туда и бросит в ящик посылку или деньги. Он был великолепным акробатом; несмотря на свой рост, он прыгал, как кузнечик, и лазал по деревьям не хуже обезьяны. Вот почему, выйдя в погоню за ним, Валантэн прекрасно понимал, что в данном случае найти преступника – еще далеко не все.

Но как его хотя бы найти? Об этом и думал теперь прославленный сыщик.

Фламбо маскировался ловко, но одного он скрыть не мог – своего огромного роста. Если бы меткий взгляд Валантэна остановился на высокой зеленщице, бравом гренадере или даже статной герцогине, он задержал бы их немедленно. Но все, кто попадался ему на пути, походили на переодетого Фламбо не больше, чем кошка – на переодетую жирафу. На пароходе он всех изучил; в поезде же с ним ехали только шестеро: коренастый путеец, направлявшийся в Лондон; три невысоких огородника, севших на третьей станции; миниатюрная вдова из эссекского

---

² © Перевод. Н. Трауберг, наследники, 2022

³ Хук ван Холланд – порт в Голландии; соединяется каналом с Роттердамом. – *Здесь и далее примеч. пер.*

⁴ После смерти Роланда на земле воцарилась тишина. – В старофранцузском эпосе «Песнь о Роланде» после гибели славного графа король Карл зовет своих подданных, но ему никто не отвечает: «ни звука королю в ответ». «Песнь о Роланде», с. XXVI, ст. 2411.

местечка и совсем низенький священник из эссекской деревни. Дойдя до него, сыщик махнул рукой и чуть не рассмеялся. Маленький священник воплощал самую суть этих скучных мест: глаза его были бесцветны, как Северное море, а при взгляде на его лицо вспоминалось, что жителей Норфолка зовут клецками. Он никак не мог управиться с какими-то пакетами. Конечно, церковный съезд пробудил от сельской спячки немало священников, слепых и беспомощных, как выманенный из земли крот. Валантэн, истый француз, был суровый скептик и не любил попов. Однако он их жалел, а этого пожалел бы всякий. Его большой старый зонт то и дело падал; он явно не знал, что делать с билетом, и простодушно до глупости объяснял всем и каждому, что должен держать ухо востро, потому что везет «настоящую серебряную вещь с синими камушками». Забавная смесь деревенской бесцветности со святой простотой потешала сыщика всю дорогу; когда же священник с грехом пополам собрал пакеты, вышел и тут же вернулся за зонтиком, Валантэн от души посоветовал ему помолчать о серебре, если он хочет его уберечь. Но с кем бы Валантэн ни говорил, он искал взглядом другого человека – в бедном ли платье, в богатом ли, в женском или мужском, только не ниже шести футов. В знаменитом преступнике было шесть футов четыре дюйма⁵.

Как бы то ни было, вступая на Ливерпул-стрит, он был уверен, что не упустил вора. Он зашел в Скотленд-Ярд, назвал свое имя и договорился о помощи, если она ему понадобится, потом закурил новую сигару и отправился бродить по Лондону. Плутая по улочкам и площадям к северу от станции Виктория, он вдруг остановился. Площадь – небольшая и чистая – поражала внезапной тишиной; есть в Лондоне такие укромные уголки. Строгие дома, окружавшие ее, дышали достатком, но казалось, что в них никто не живет; а в центре – одиноко, словно остров в Тихом океане, – зеленел усаженный кустами газон. С одной стороны дома были выше, словно помост в конце зала, и ровный их ряд, внезапно и очень по-лондонски, разбивала витрина ресторана. Этот ресторан как будто бы забрел сюда из Сохо; все привлекало в нем – и деревья в кадках, и белые в лимонную полоску шторы. Дом был по-лондонски узкий, вход находился очень высоко, и ступеньки поднимались круто, словно пожарная лестница. Валантэн остановился, закурил и долго глядел на полосатые шторы.

Самое странное в чудесах то, что они случаются. Облачка собираются вместе в неповторимый рисунок человеческого глаза. Дерево изгибается вопросительным знаком как раз тогда, когда вы не знаете, как вам быть. И то и другое я видел на днях. Нельсон гибнет в миг победы, а некий Уильямс убивает случайно Уильямсона (похоже на сыноубийство!). Короче говоря, в жизни, как и в сказках, бывают совпадения, но прозаические люди не принимают их в расчет. Как заметил некогда Эдгар По, мудрость должна полагаться на непредвиденное⁶.

Аристид Валантэн был истый француз, а французский ум – это ум, и ничего больше. Он не был «мыслящей машиной», ведь эти слова – неумное порождение нашего бескрылого фатализма: машина потому и машина, что не умеет мыслить. Он был мыслящим человеком, и мыслил он здраво и трезво. Своими похожими на колдовство победами он был обязан тяжелому труду, простой и ясной французской мысли. Французы будоражат мир не парадоксами, а общими местами. Они облачают прописные истины в плоть и кровь – вспомним их революцию. Валантэн знал, что такое разум, и потому знал границы разума. Только тот, кто ничего не смыслит в моторах, попытается ехать без бензина; только тот, кто ничего не смыслит в разуме, попытается размышлять без твердой, неоспоримой основы. Сейчас основы не было. Он упустил Фламбо в Норвиче, а здесь, в Лондоне, тот мог принять любую личину и оказаться кем угодно, от верзилы-оборванца в Уимблдоне до атлета-кутилы в отеле «Метрополь».

⁵ Шесть футов четыре дюйма – 1 м 93 см.

⁶ ...мудрость должна полагаться на непредвиденное. – Вероятно, речь идет о наблюдении Э. По из новеллы «Убийство на улице Морг»: «Искусство аналитика проявляется как раз в том, что правилами игры не предусмотрено».

Когда Валантэн ничего не знал, он применял свой метод. Он полагался на непредвиденное. Если он не мог идти разумным путем, он тщательно и скрупулезно действовал вопреки разуму. Он шел не туда, куда следует, – не в банки, полицейские участки, значные места, а туда, куда не следует: стучался в пустые дома, сворачивал в тупики, лез в переулки через горы мусора, огибал любую площадь, петлял. Свои безумные поступки он объяснял весьма разумно. Если у вас есть ключ, говорил он, этого делать не стоит; но если ключа нет – делайте только так. Любая странность, зацепившая внимание сыщика, могла зацепить и внимание преступника. С чего-то надо начать; почему же не начать там, где мог остановиться другой? В крутизне ступенек, в тихом уюте ресторана было что-то необычное. Романтическим нюхом сыщика Валантэн почуял, что тут стоит остановиться. Он взбежал по ступенькам, сел у окна и спросил черного кофе.

Было позднее утро, а он еще не завтракал. Остатки чужой еды на столиках напомнили ему, что он проголодался; он заказал яйцо всмятку и рассеянно положил в кофе сахар, думая о Фламбо. Он вспомнил, как тот использовал для побега то ножницы, то пожар, то доплатное письмо без марки, а однажды собрал толпу к телескопу, чтоб посмотреть на мнимую комету. Валантэн считал себя не глупее Фламбо и был прав. Но он прекрасно понимал невыгоды своего положения. «Преступник – творец, сыщик – критик», – сказал он, кисло улыбнулся, поднес чашку к губам и быстро опустил. Кофе был соленый.

Он посмотрел на вазочку, из которой брал соль. Это была сахарница, предназначенная для сахара, точно так же, как бутылка предназначена для вина. Он удивился, что здесь держат в сахарницах соль, и посмотрел, нет ли где солонки. На столе стояли две, полные доверху. Может, и с ними не все в порядке? Он попробовал; в них был сахар. Тогда он окинул вспыхнувшим взглядом другие столики – не проявился ли в чем-нибудь и там изысканный вкус шутника, переменившего местами соль и сахар? Все было опрятно и приветливо, если не считать темного пятна на светлых обоях. Валантэн крикнул лакея.

Растрепанный и сонный лакей подошел к столику, и сыщик (ценивший простую, незамысловатую шутку) предложил ему попробовать сахар и сказать, соответствует ли он репутации заведения. Лакей попробовал, охнул и проснулся.

– Вы всегда шутите так тонко? – спросил Валантэн. – Вам не приелся этот розыгрыш?

Когда ирония дошла до лакея, тот, сильно запинаясь, заверил, что ни у него, ни у хозяина и в мыслях не было ничего подобного. Вероятно, они просто ошиблись. Он взял сахарницу и осмотрел ее; взял солонку и осмотрел ее, удивляясь все больше и больше. Наконец он быстро извинился, убежал и привел хозяина. Тот тоже обследовал сахарницу и солонку и тоже удивился.

Вдруг лакей захлебнулся словами.

– Я вот что думаю, – затараторил он. – Я думаю, это те священники. Те, двое, – пояснил лакей. – Которые стену супом облили.

– Облили стену супом? – переспросил Валантэн, думая, что это итальянская поговорка.

– Вот, вот, – волновался лакей, указывая на темное пятно. – Взяли и плеснули.

Валантэн взглянул на хозяина, и тот дал более подробный отчет.

– Да, сэр, – сказал он. – Так оно и было, только сахар и соль тут, наверно, ни при чем. Совсем рано, мы только шторы подняли, сюда зашли два священника и заказали бульон. Люди вроде бы тихие, приличные. Высокий расплатился и ушел, а другой собирал свертки, он какой-то был неповоротливый. Потом он тоже пошел к дверям и вдруг схватил чашку и вылил суп на стену. Я был в задней комнате. Выбегаю – смотрю: пятно, а священника нет. Убыток небольшой, но ведь какая наглость! Я побежал за ним, да не догнал, они свернули на Карстейрс-стрит.

Валантэн уже вскочил, надел шляпу и стиснул трость. Он понял: во тьме неведения надо было идти туда, куда направляет вас первый указатель, каким бы странным он ни был. Еще

не упали на стол монеты, еще не хлопнула стеклянная дверь, а сыщик уже свернул за угол и побежал по улице.

К счастью, даже в такие отчаянные минуты он не терял холодной зоркости. Пробегая мимо какой-то лавки, он заметил в ней что-то странное и вернулся. Лавка оказалась зеленой; на открытой витрине были разложены овощи и фрукты, а над ними торчали ярлычки с ценами. В самых больших ячейках высились груды орехов и пирамида мандаринов. Надпись над орехами – синие крупные буквы на картонном поле – гласила: «Лучшие мандарины. Две штуки за пенни»; надпись над мандаринами: «Лучшие бразильские орехи. Четыре пенса фунт». Валантэн прочитал и подумал, что совсем недавно встречался с подобным юмором. Обратившись к краснолицему зеленщику, который довольно угрюмо смотрел вдаль, он привлек его внимание к прискорбной ошибке. Зеленщик не ответил, но тут же переставил ярлычки. Сыщик, небрежно опираясь на трость, продолжал разглядывать витрину. Наконец он спросил:

– Простите за нескромность, сэр, нельзя ли задать вам вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциации идей?

Багровый лавочник грозно взглянул на него, но Валантэн продолжал, весело помахивая тростью:

– Почему переставленные ярлычки на витрине зеленщика напоминают нам о священнике, прибывшем на праздники в Лондон? Или – если я выражаюсь недостаточно ясно – почему орехи, поименованные мандаринами, таинственно связаны с двумя духовными лицами, повыше ростом и пониже?

Глаза зеленщика полезли на лоб, как глаза улитки; казалось, он вот-вот кинется на нахала. Но он сердито проворчал:

– А ваше какое дело? Может, вы с ними заодно? Так вы им прямо скажите: попы они там или кто, а рассыпят мне опять яблоки – кости переломая!

– Правда? – посочувствовал сыщик. – Они рассыпали ваши яблоки?

– Это все тот, коротенький, – разволновался зеленщик. – Прямо по улице покатались. Пока я их подбирал, он и ушел.

– Куда? – спросил Валантэн.

– Налево, за второй угол. Там площадь, – быстро сообщил зеленщик.

– Спасибо, – сказал Валантэн и упорхнул как фея.

За вторым углом налево он пересек площадь и бросил полисмену:

– Срочное дело, констебль. Не видели двух патеров?

Полисмен засмеялся басом.

– Видел, – сказал он. – Если хотите знать, сэр, один был пьяный. Он стал посреди дороги и...

– Куда они пошли? – резко спросил сыщик.

– Сели в омнибус, – ответил полицейский. – Из этих, желтых, которые идут в Хэмпстед⁷.

Валантэн вынул карточку, быстро сказал: «Пришлите двоих, пусть идут за мной!» – и ринулся вперед так стремительно, что могучий полисмен волей-неволей поспешил выполнить его приказ. Через минуту, когда сыщик стоял на другой стороне площади, к нему присоединились инспектор и человек в штатском.

– Итак, сэр, – важно улыбаясь, начал инспектор, – чем мы можем...

Валантэн выбросил вперед трость.

– Я отвечу вам на имперiale вон того омнибуса, – сказал он и нырнул в гущу машин и экипажей.

Когда все трое, тяжело дыша, уселись на верхушке желтого омнибуса, инспектор сказал:

---

⁷ *Хэмпстед* – расположенное на холмистой местности аристократическое предместье на севере Лондона.

– В такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

– Конечно, – согласился предводитель. – Если б мы знали, куда едем.

– А куда мы едем? – ошарашенно спросил инспектор.

Валантэн задумчиво курил; потом, вынув изо рта сигару, произнес:

– Когда вы знаете, что делает преступник, забегайте вперед. Но если вы только гадаете – идите за ним. Блуждайте там, где он; останавливайтесь, где он; не обгоняйте его. Тогда вы увидите то, что он видел, и сделаете то, что он сделал. Нам остается одно: подмечать все странное.

– В каком именно роде? – спросил инспектор.

– В любом, – ответил Валантэн и надолго замолчал.

Желтый омнибус полз по северной части Лондона. Казалось, что прошли часы; великий сыщик ничего не объяснял, помощники его молчали, и в них росло сомнение. Быть может, рос в них и голод – давно миновала пора второго завтрака, а длинные улицы северных кварталов вытягивались одна за другой, словно колена какой-то жуткой подозрительной трубы. Все мы помним такие поездки – вот-вот покажется край света, но показывается только Тэфнел-парк. Лондон исчезал, рассыпался на грязные лачуги, кабачки и хилые пустыри и снова возникал в огнях широких улиц и фешенебельных отелей. Казалось, едешь сквозь тринадцать городов. Впереди сгушался холодный сумрак, но сыщик молчал и не двигался, пристально вглядываясь в мелькающие мимо улицы. Когда Кэмден-таун⁸ остался позади, полицейские уже клевали носом. Вдруг они очнулись: Валантэн вскочил, схватил их за плечи и крикнул кучеру, чтобы тот остановился.

В полном недоумении они скатились по ступенькам и, оглядевшись, увидели, что Валантэн победно указывает на большое окно по левую руку от них. Окно это украшало сверкающий фасад большого, как дворец, отеля; здесь был обеденный зал ресторана, о чем и сообщала вывеска. Все окна в доме были из матового узорного стекла; но в середине этого окна, словно звезды во льду, зияла дырка.

– Наконец! – воскликнул Валантэн, потрясая тростью. – Разбитое окно! Вот он, ключ!

– Какое окно? Какой ключ? – рассердился полицейский. – Чем вы докажете, что это связано с нами?

От злости Валантэн чуть не сломал бамбуковую трость.

– Чем докажу! – вскричал он. – О Господи! Он ищет доказательств! Скорей всего, это никак не связано! Но что ж нам еще делать? Неужели вы не поняли, что нам надо хвататься за любую, самую невероятную случайность или идти спать?

Он ворвался в ресторан; за ним вошли полисмены. Все трое уселись за столик и принялись за поздний завтрак, поглядывая то и дело на звезду в стекле. Надо сказать, и сейчас она мало что объясняла.

– Вижу, у вас окно разбито, – сказал Валантэн лакею, расплачиваясь.

– Да, сэр, – ответил лакей, озабоченно подсчитывая деньги. Чаевые были немалые, и, выпрямившись, он явно оживился. – Вот именно, сэр, – сказал он. – Ну и дела, сэр!

– А что такое? – небрежно спросил сыщик.

– Пришли к нам тут двое, священники, – поведал лакей. – Сейчас их много понаехало. Ну, позавтракали они, один заплатил и пошел. Другой чего-то возится. Смотрю – завтрак-то был дешевый, а заплатили чуть не вчетверо. Я говорю: «Вы лишнее дали», а он остановился на пороге и так это спокойно говорит: «Правда?» Взял я счет, хотел ему показать и чуть не свалился.

– Почему? – спросил сыщик.

– Я бы чем хотите поклялся, в счете было четыре шиллинга. А тут смотрю – четырнадцать, хоть ты тресни.

---

⁸ Тэфнел-парк, Кэмден-таун – улицы и соответствующие автобусные остановки по пути в Хэмпстед.

– Так! – вскричал Валантэн, медленно поднимаясь на ноги. Глаза его горели. – И что же?

– А он стоит себе в дверях и говорит: «Простите, перепутал. Ну, это будет за окно». – «Какое такое окно?» – говорю. «Которое я разобью», – и трах зонтиком!

Слушатели вскрикнули, а инспектор тихо спросил:

– Мы что, гонимся за сумасшедшим?

Лакей продолжал, смакуя смешную историю:

– Я так и сел, ничего не понимаю. А он догнал того, высокого, свернули они за угол – и как побегут по Баллок-стрит! Я за ними со всех ног, да куда там – ушли!

– Баллок-стрит! – крикнул сыщик и понесся по улице так же стремительно, как таинственная пара, за которой он гнался.

Теперь преследователи быстро шли меж голых кирпичных стен, как по туннелю. Здесь было мало фонарей и освещенных окон; казалось, что все на свете повернулось к ним спиной. Сгущались сумерки, и даже лондонскому полисмену нелегко было понять, куда они спешат. Инспектор, однако, не сомневался, что рано или поздно они выйдут к Хэмпстедскому Лугу. Вдруг в синем сумраке, словно иллюминатор, сверкнуло выпуклое освещенное окно, и Валантэн остановился за шаг до лавчонки, где торговали сладостями. Поколебавшись секунду, он нырнул в разноцветный мирок кондитерской, подошел к прилавку и со всей серьезностью отобрал тринадцать шоколадных сигар. Он обдумывал, как перейти к делу, но это ему не понадобилось.

Костлявая женщина, старообразная, хотя и нестарая, смотрела с тупым удивлением на элегантного пришельца; но, увидев в дверях синюю форму инспектора, очнулась и заговорила.

– Вы, наверно, за пакетом? – спросила она. – Я его отослала.

– За пакетом?! – повторил Валантэн; пришел черед и ему удивляться.

– Ну, который тот мужчина оставил, священник, что ли?

– Ради Бога! – воскликнул Валантэн и подался вперед; его пылкое нетерпение прорвалось наконец наружу. – Ради Бога, расскажите подробно!

– Ну, – не совсем уверенно начала женщина, – зашли сюда священники, это уж будет с полчаса. Купили мятных лепешек, поговорили про то про се и пошли к Лугу. Вдруг один бежит: «Я пакета не оставлял?» Я туда, сюда – нигде нету. А он говорит: «Ладно. Найдете – пошлите вот по такому адресу». И дал мне этот адрес и еще шиллинг за труды. Вроде бы все обшарила, а ушел он, глядь – пакет лежит. Ну, я его и послала, не помню уж куда, где-то в Вестминстере⁹. А сейчас я и подумала: наверное, в этом пакете что-то важное, вот полиция за ним и пришла.

– Так и есть, – быстро сказал Валантэн. – Близко тут Луг?

– Прямо идти минут пятнадцать, – сказала женщина. – К самым воротам выйдете.

Валантэн выскочил из лавки и понесся вперед. Полисмены неохотно трусили за ним.

Узкие улицы предместья лежали в тени домов, и, вынырнув на большой пустырь, под открытое небо, преследователи удивились, что сумерки еще так прозрачны и светлы. Круглый купол синевато-зеленого неба отсвечивал золотом меж черных стволов и в темно-лиловой дали. Зеленый светящийся сумрак быстро сгущался, и на небе проступали редкие кристаллики звезд. Последний луч солнца мерцал, как золото, на вершинах холмов, венчавших излюбленное лондонцами место, которое зовется Долиной Здоровья. Праздные горожане еще не совсем разбрелись – на скамейках темнели расплывчатые силуэты пар, а где-то вдалеке вскрикивали на качелях девицы. Величие небес осеняло густеющей синью величие человеческой пошлости. И, глядя сверху на Луг, Валантэн увидел наконец то, что искал.

Вдалеке чернели и расставались пары; одна из них была чернее всех и держалась вместе. Два человека в черных сутанах уходили вдаль. Они были не крупнее жуков; но Валантэн

---

⁹ Вестминстер – центральный район Лондона, где находятся правительственные учреждения.

увидел, что один много ниже другого. Высокий шел смиренно и чинно, как подобает ученому клирику, но было видно, что в нем больше шести футов. Валантэн сжал зубы и ринулся вниз, рьяно вращая тростью. Когда расстояние сократилось и двое в черном стали видны четко, как в микроскоп, он заметил еще одну странность, которая и удивила его и не удивила. Кем бы ни был высокий, маленького Валантэн узнал: то был его попутчик по купе, неуклюжий священник из Эссекса, которому он посоветовал смотреть получше за своими свертками.

Пока что все сходилось. Сыщику сказали, что некий Браун из Эссекса везет в Лондон серебряный, украшенный сапфирами крест – драгоценную реликвию, которую покажут иностранному клиру. Это и была, конечно, «серебряная вещь с камушками», а Браун, без сомнения, был тот растяпа из поезда. То, что узнал Валантэн, прекрасно мог узнать и Фламбо – Фламбо обо всем узнавал. Конечно, пронюхав про крест, Фламбо захотел украсть его – это проще простого. И уж совсем естественно, что Фламбо легко обвел вокруг пальца священника со свертками и зонтиком. Такую овцу кто угодно мог бы затащить хоть на Северный полюс, так что Фламбо – блестящему актеру – ничего не стоило затащить его на этот Луг. Покуда все было ясно. Сыщик пожалел беспомощного священника и чуть не презирал Фламбо, опустившегося до такой доверчивой жертвы. Но что означали странные события, приведшие к победе его самого? Как ни думал он, как ни бился – смысла в них не было. Где связь между кражей креста и пятном супа на обоях? Перепутанными ярлычками? Платой вперед за разбитое окно? Он пришел к концу пути, но упустил середину. Иногда, хотя и редко, Валантэн упускал преступника; но ключ находил всегда. Сейчас он настиг преступника, но ключа у него не было.

Священники ползли по зеленому склону холма, как черные мухи. Судя по всему, они беседовали и не замечали, куда идут; но шли они в самый дикий и тихий угол Луга. Преследователям пришлось принимать те недостойные позы, которые принимает охотник, выслеживающий дичь: они перебежали от дерева к дереву, крались и даже ползли по густой траве. Благодаря этим неуклюжим маневрам охотники подошли совсем близко к дичи и слышали уже голоса, но слов не разбирали, кроме слова «разум», которое повторял то и дело высокий детский голос. Вдруг путь им преградили заросли над обрывом; сыщики потеряли след и плутали минут десять, пока, обогнув гребень круглого, как купол, холма, не увидели в лучах заката прелестную и тихую картину. Под деревом стояла ветхая скамья; на ней сидели, серьезно беседуя, священники. Зеленый и золотой еще сверкали у темнеющего горизонта, сине-зеленый купол неба становился зелено-синим, и звезды сверкали ярко, как крупные бриллианты. Валантэн сделал знак своим помощникам, подкрался к большому ветвистому дереву и, стоя там в полной тишине, услышал наконец, о чем говорили странные священнослужители.

Он слушал минуту-другую, и бес сомнения обуял его. А что, если он зря затащил английских полисменов в дальний угол темнеющего парка? Священники беседовали именно так, как должны беседовать священники, – благочестиво, степенно, учено о самых бестелесных тайнах богословия. Маленький патер из Эссекса говорил проще, обратив круглое лицо к разгорающимся звездам. Высокий сидел, опустив голову, словно считал, что недостойн на них взглянуть. Беседа их была невинней невинного; ничего более возвышенного не услышишь в белой итальянской обители или в черном испанском соборе.

Первым донесся голос отца Брауна:

– ...то, что имели в виду средневековые схоласты, когда говорили о несокрушимости небес.

Высокий священник кивнул склоненной головой.

– Да, – сказал он, – безбожники призывают теперь к разуму. Но кто, глядя на эти мириады миров, не почувствует, что там, над нами, могут быть Вселенные, где разум неразумен?

– Нет, – сказал отец Браун, – разум разумен везде.

Высокий поднял суровое лицо к усеянному звездами небу.

– Кто может знать, есть ли в безграничной Вселенной... – снова начал он.

– У нее нет пространственных границ, – сказал маленький и резко повернулся к нему, – но за границы нравственных законов она не выходит.

Балантэн сидел за деревом и молча грыз ногти. Ему казалось, что английские сыщики хихикают над ним – ведь это он затащил их в такую даль, чтобы послушать философскую чушь двух тихих пожилых священников. От злости он пропустил ответ высокого и услышал только отца Брауна.

– Истина и разум царят на самой далекой, самой пустынной звезде. Посмотрите на звезды. Правда, они как алмазы и сапфиры? Так вот, представьте себе любые растения и камни. Представьте алмазные леса с бриллиантовыми листьями. Представьте, что луна – синяя, сплошной огромный сапфир. Но не думайте, что все это хоть на йоту изменит закон разума и справедливости. На опаловых равнинах, среди жемчужных утесов вы найдете все ту же заповедь: «Не укради».

Балантэн собрался было встать – у него затекло все тело – и уйти потише; в первый раз за всю жизнь он сморозил такую глупость. Но высокий молчал как-то странно, и сыщик прислушался. Наконец тот сказал совсем просто, еще ниже опустив голову и сложив руки на коленях:

– А все же я думаю, что другие миры могут подняться выше нашего разума. Неисповедима тайна небес, и я склоняю голову. – И, не поднимая головы, не меняя интонации, прибавил: – Давайте-ка сюда этот крест. Мы тут одни, и я вас могу распотрошить, как чучело.

Оттого что он не менял ни позы, ни тона, эти слова прозвучали еще страшнее. Но хранитель святыни почти не шевельнулся; его глуповатое лицо было обращено к звездам. Может быть, он не понял или окаменел от страха.

– Да, – все так же тихо сказал высокий, – да, я Фламбо. – Помолчал и прибавил: – Ну, отдадите вы крест?

– Нет, – сказал Браун, и односложное это слово странно прозвенело в тишине.

И тут с Фламбо слетело напускное смирение. Великий вор откинулся на спинку скамьи и засмеялся негромко, но грубо.

– Не отдадите! – сказал он. – Еще бы вы отдали! Еще бы вы мне его отдали, простак-холостяк! А знаете, почему? Потому что он у меня в кармане.

Маленький сельский священник повернул к нему лицо – даже в сумерках было видно, как он растерян, – и спросил взволнованно и робко, словно подчиненный:

– Вы... вы уверены?

Фламбо взвыл от восторга.

– Ну, с вами театра не надо! – закричал он. – Да, достопочтенная брюква, уверен! Я догадался сделать фальшивый пакет. Так что теперь у вас бумага, а у меня – камешки. Старый прием, отец Браун, очень старый прием.

– Да, – сказал отец Браун и все так же странно, несмело пригладил волосы, – я о нем слышал.

Король преступников наклонился к нему с внезапным интересом.

– Кто? Вы? – спросил он. – От кого ж это вы могли слышать?

– Я не вправе назвать вам его имя, – просто сказал Браун. – Понимаете, он каялся. Он жил этим лет двадцать – подменял свертки и пакеты. И вот, когда я вас заподозрил, я вспомнил про него, беднягу.

– Заподозрили? – повторил преступник. – Вы что, действительно догадались, что я вас не зря тащу в такую глушь?

– Ну да, – виновато сказал Браун. – Я вас сразу заподозрил. Понимаете, у вас запястье изуродовано, это от наручников.

– А, черт! – заорал Фламбо. – Вы-то откуда знаете про наручники?

– От прихожан, – ответил Браун, кротко поднимая брови. – Когда я служил в Хартлпуле, там у двоих были такие руки. Вот я вас и заподозрил и решил, понимаете, спасти крест. Вы уж простите, я за вами следил. В конце концов я заметил, что вы подменили пакет. Ну а я подменил его снова и настоящий отослал.

– Отослали? – повторил Фламбо, и в первый раз его голос звучал не только победой.

– Да, отослал, – спокойно продолжал священник. – Я вернулся в лавку и спросил, не оставлял ли я пакета. И дал им адрес, куда его послать, если он найдется. Конечно, сначала я его не оставлял, а потом оставил. А она не побежала за мной и послала его прямо в Вестминстер, моему другу. Этому я тоже научился от того бедняги. Он так делал с сумками, которые крал на вокзалах. Сейчас он в монастыре. Знаете, в жизни многому научишься, – закончил он, виновато почесывая за ухом. – Что ж нам, священникам, делать? Приходят, рассказывают...

Фламбо уже выхватил пакет из внутреннего кармана и рвал его в клочья. Там не было ничего, кроме бумаги и кусочков свинца. Потом он вскочил, взмахнув огромной рукой, и заорал:

– Не верю! Я не верю, что такая тыква может все это обстрепать! Крест у вас! Не дадите – отберу. Мы одни.

– Нет, – просто сказал отец Браун и тоже встал. – Вы его не отберете. Во-первых, его действительно нет. А во-вторых, мы не одни.

Фламбо замер на месте.

– За этим деревом, – сказал отец Браун, – два сильных полисмена и лучший в мире сыщик. Вы спросите, зачем они сюда пришли? Я их привел. Как? Что ж, я скажу, если хотите. Господи, когда работаешь в трущобах, приходится знать много таких штук! Понимаете, я не был уверен, что вы вор, и не хотел оскорблять своего брата-священника. Вот я и стал вас испытывать. Когда человеку дадут соленый кофе, он обычно сердится. Если же он терпит, значит, он боится себя выдать. Я насыпал в сахарницу соль, а в солонку – сахар, и вы стерпели. Когда счет гораздо больше, чем надо, это, конечно, вызывает недоумение. Если человек по нему платит, значит, он хочет избежать скандала. Я приписал единицу, и вы заплатили.

Казалось, Фламбо вот-вот кинется на него, словно тигр. Но вор стоял как зачарованный – он хотел понять.

– Ну вот, – с тяжеловесной дотошностью объяснял отец Браун. – Вы не оставляли следов – кому-то надо же было их оставлять. Всюду, куда мы заходили, я делал что-нибудь такое, чтобы о нас толковали весь день. Я не причинял большого вреда – облил супом стену, рассыпал яблоки, разбил окно, – но крест я спас. Сейчас он в Вестминстере. Странно, что вы не пустили в ход ослиный свисток.

– Чего я не сделал?

– Как хорошо, что вы о нем не слышали! – просиял священник. – Это плохая штука. Я знал, что вы не опуститесь так низко. Тут бы мне не помогли даже пятна – я слабоват в коленках.

– Что вы несете? – спросил Фламбо.

– Ну уж про пятна-то, я думал, вы знаете! – обрадовался Браун. – Значит, вы еще не очень испорчены.

– А вы-то откуда знаете всю эту гадость? – воскликнул Фламбо.

– Наверное, потому, что я простак-холостяк, – сказал Браун. – Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немного знать мирское зло? Правда, не только практика, но и теория моего дела помогла мне понять, что вы не священник.

– Какая еще теория? – спросил изнемогающий Фламбо.

– Вы нападали на разум, – ответил Браун. – Это дурное богословие.

Он повернулся, чтобы взять свои вещи, и три человека вышли в сумерках из-за деревьев. Фламбо был талантлив и знал законы игры: он отступил назад и низко поклонился Валантэну.

– Не мне кланяйтесь, *mon ami*¹⁰, – сказал Валантэн серебряно-звонким голосом. – Поклонимся оба тому, кто нас превзошел.

И они стояли, обнажив головы, пока маленький сельский священник шарил в темноте, пытаясь найти зонтик.

---

¹⁰ *Mon ami* – мой друг (фр.).

Сокровенный сад¹¹

Аристид Валантэн, глава парижского сыска, опаздывал к обеду, и гости начали прибывать раньше хозяина. Их встречал доверенный слуга, Иван, старик со шрамом на лице, почти таком же выцветшем, как и его седые бакенбарды, постоянно сидевший за столом в холле, где все стены были увешаны оружием. Дом у Валантэна был, пожалуй, не менее своеобразным, чем его прославленный владделец. Старый дом на самом берегу Сены, обнесенный кирпичной стеной, над которой выглядывали высокие тополя; а самое странное – и, должно быть, с точки зрения полиции самое ценное, – что из дома не было иного выхода, кроме как через парадную дверь, охраняемую Иваном и целым арсеналом. Несколько дверей вели из дома в большой ухоженный сад, но с внешним миром сад никак не сообщался – его окружала сплошная непреодолимая стена с острыми пиками наверху. Недурной сад для человека, которого клялись убить сотни осужденных преступников.

Как объяснил гостям Иван, хозяин дома сообщил по телефону, что задерживается буквально на десять минут. По правде сказать, он отдавал последние распоряжения касательно смертной казни и тому подобных малоприятных вещей. Такого рода обязанности, хотя и рутинные, Валантэн всегда исполнял с большой тщательностью. Безжалостный в погоне за преступниками, он был мягкосердечен по части их наказания, а благодаря своему огромному влиянию на французскую полицию – да и полицию всей Европы в значительной мере – мог способствовать повсеместному смягчению приговоров и улучшению условий в тюрьмах. Валантэн принадлежал к числу великих французских вольнодумцев-гуманистов, а у них есть лишь один недостаток: в их исполнении милосердие оказывается еще холодней правосудия.

Валантэн появился уже одетый в черное, с алой розеткой Почетного легиона в петлице, безупречно элегантный, темная бородка тронута сединой, и прошел прямо к себе в кабинет. Дверь из кабинета в сад оставалась открытой. Валантэн, аккуратно заперев служебную шкапулку в положенном ей месте, постоял немного у двери, с непривычной для своего логичного склада ума печалью глядя на луну за летящими обрывками облаков. Быть может, эти научные натуры способны каким-то непостижимым образом предчувствовать грядущие потрясения в своей жизни... Впрочем, вскоре он стряхнул с себя элегическое настроение, зная, что припозднился и гости уже начали прибывать.

Впрочем, беглый взгляд с порога гостиной убедил Валантэна, что главный гость еще не прибыл. Остальные приглашенные столпы избранного общества уже были здесь. Валантэн увидел английского посланника лорда Галлоуэя – холерического старика с лицом румяным, точно яблоко, и с голубой лентой ордена Подвязки. Увидел и леди Галлоуэй, стройную как тростинка, с серебристой сединой и тонким надменным лицом. Увидел их дочь, леди Маргарет Грэхем, хорошенькую бледную девушку с худеньким личиком и медно-рыжими волосами. Увидел герцогиню Мон-Сен-Мишель, пышную и черноглазую, а с нею двух дочерей, таких же черноглазых и пышных. Увидел доктора Симона, типичного французского ученого в очках, с остроконечной бородкой и горизонтальными морщинами на челе – карой за высокомерие, ибо они образуются от частого поднимания бровей. Увидел отца Брауна из Кобхоула, графство Эссекс, – они недавно познакомились в Англии. И, быть может, с особым интересом увидел высокого человека в мундире, который, не получив от Галлоуэев сердечного отклика на свой поклон, теперь – единственный из всех – подошел поздороваться с хозяином дома. Майор французского Иностранного легиона О’Брайен был строен, чисто выбрит, синеглаз и темново-

лос, ходил слегка вразвалочку, а вид имел одновременно лихой и чуточку печальный, как и пристало офицеру войска, прославленного своими триумфальными поражениями и самоубийственными победами. Ирландский джентльмен по рождению, он в детстве был хорошо знаком с Галлоуэями – а лучшего всего с Маргарет Грэхем. Покинув страну из-за сокрушительных долгов, он ныне подчеркивал полную свободу от британского этикета, щеголяя в мундире, при шпорах и с саблей на боку. На его поклон лорд и леди Галлоуэй ответили весьма сдержанно, а леди Маргарет отвела глаза.

Между тем, какими бы давними причинами ни был вызван интерес этих людей друг к другу, прославленного сыщика все они не слишком интересовали. По своим собственным особенным причинам Валантэн ожидал сегодня человека, с кем свел дружбу во время одного из своих блистательных расследований в Соединенных Штатах. Он ожидал Джулиуса К. Брейна – мультимиллионера, чьи колоссальные пожертвования различным малоизвестным религиозным организациям дали повод американским и английским газетам изошряться в дешевом остроумии с щедрой добавкой столь же дешевого пафоса. Никто не знал точно, атеист ли мистер Брейн, или же мормон, или последователь «Христианской науки»; он с готовностью вкладывал деньги в любое интеллектуальное течение, лишь бы оно было новым и неизведанным. Брейн все ждал, когда миру явится американский Шекспир – а это хобби требует еще больше терпения, чем рыбная ловля. Он восхищался Уолтом Уитменом, однако считал, что Люк П. Таннер из Парижа (штат Пенсильвания) куда «прогрессивней». Брейн вообще любил все «прогрессивное». Он и Валантэна считал «прогрессивным», что было в высшей степени несправедливо.

Джулиус К. Брейн появился в комнате с безапелляционностью обеденного гонга. Было у него замечательное качество, которым не всякий одарен, – его присутствие замечали не меньше, чем его отсутствие. Огромный рост при такой же огромной толщине; черноту вечернего костюма не оживляли даже цепочка от часов или перстень на пальце. Совершенно седые волосы были зачесаны назад, как у немца, открывая багровое лицо свирепого херувима. Темный клоч растительности на подбородке придавал его младенческому облику нечто театральное, чуть ли не мефистофельское. Впрочем, гости недолго глазели на знаменитого американца. Из-за его опоздания обед и так уже пришлось отложить, а потому все немедленно отправились в столовую. Возглавлял шествие Брейн под руку с леди Галлоуэй. Галлоуэй были милы и покладисты во всем, за исключением одного пункта: лишь бы Маргарет не шла в паре с авантюристом О'Брайеном. Она этого и не сделала, а благопристойно пошла с доктором Симоном. Тем не менее старый лорд Галлоуэй был беспокоен и почти груб. Ему еще хватило такта на время обеда, но когда принесли сигары, трое джентльменов помладше годами – доктор Симон, священник Браун и предосудительный О'Брайен – разбрелись, кто беседовать с дамами в гостиной, кто курить в оранжерее, и тогда-то британский дипломат сделался весьма недипломатичен. Каждые шестьдесят секунд его пронзала страшная мысль – что, если мерзавец О'Брайен и Маргарет обмениваются тайными знаками? Каким образом – он и не пытался вообразить. За кофе с ним остались только Брейн, седовласый янки, верующий во все религии сразу, и Валантэн, седеющий француз, ни во что не верующий. Увлеченно споря друг с другом, ни тот, ни другой не могли обратиться к англичанину за поддержкой. В конце концов «прогрессивные» словопрения наскучили лорду Галлоуэю; он встал и тоже отправился на поиски гостиной. Минут шесть или восемь блуждал он по длинным запутанным коридорам, пока не слышал вдали звучный наставительный голос доктора. Доктору ответил тихий голос священника, после чего раздался общий смех. Лорд беззвучно выругался: кажется, там спорили о «науке и религии». Впрочем, открыв дверь, он увидел только, кого в гостиной не было. Майор О'Брайен отсутствовал. Отсутствовала и леди Маргарет.

Лорд Галлоуэй нетерпеливо покинул гостиную, как перед тем – столовую, и вновь пустился странствовать по коридорам. Его ум захватила одна-единственная всепоглощающая и даже безумная цель – защитить дочь от ирландско-алжирского прощелыги. И недалеко от

кабинета Валантэна лорд Галлоуэй неожиданно с ней столкнулся – Маргарет прошла навстречу с побелевшим, презрительным лицом. Вот еще загадка! Если она была с О’Брайеном, где же О’Брайен? Если нет – где она была? Весь во власти пылкой старческой подозрительности, лорд Галлоуэй отважился углубиться в темные закоулки дома и в конце концов отыскал дверь для слуг, выходящую в сад. Ятаган луны уже раскромсал и прогнал с небес обрывки туч. Весь сад, до самых дальних уголков, был залит серебристым светом. Кто-то высокий, в синем, быстрыми шагами пересекал лужайку, направляясь к дверям кабинета; лунные блики на позументе с несомненностью обозначили майора О’Брайена.

Майор скрылся в доме, оставив лорда Галлоуэя в совершенно неописуемом состоянии духа – взбешенным и растерянным одновременно. Серебряно-синий сад, подобный театральной декорации, дразнил его властной нежностью, против которой восставала вся светская авторитарность посланника. Его злила стремительная походка ирландца – так, словно лорд Галлоуэй был его соперником, а не отцом девушки. Лунный свет едва не довел его до умопомешательства. Словно какое-то волшебство перенесло его в сказочную страну, в сад трубадуров. Желая освободиться от этих романтических бредней, лорд Галлоуэй последовал за своим врагом. Споткнувшись о затаившийся в траве корень или, может, камень, он взглянул себе под ноги – сперва с досадой, а затем с любопытством. В следующий миг луна и высокие тополя созерцали весьма необычную картину: пожилой английский дипломат с криками бежал по лужайке.

В ответ на его хриплые вопли в дверях кабинета показалось бледное лицо, нахмуренный лоб и сверкающие очки доктора Симона. Он первым отчетливо услышал слова лорда Галлоуэя:

– Мертвец на газоне! Весь в крови!

Наконец-то лорд позабыл о майоре.

– Нужно сейчас же сообщить Валантэну, – заявил доктор, услышав сбивчивые объяснения лорда, – тот не решился внимательно присмотреться к телу. – Удачно, что он как раз здесь!

Доктор еще не закончил говорить, как великий сыщик появился в кабинете, желая узнать причину криков. Было почти забавно наблюдать за его мгновенным преобразованием. Привело его сюда обычное беспокойство джентльмена и хозяина дома – не заболел ли кто-нибудь из гостей или слуг. Но как только ему сообщили кровавую новость, он встрепенулся и стал крайне деловит; в нем проснулся профессиональный интерес.

– Не странно ли, господа, – заметил он по пути в сад. – Всю жизнь я гонялся по свету за всевозможными тайнами, и вот одна из них сама приходит ко мне. Где же это?

Найти дорогу в саду оказалось не так легко – от реки поднялся туман. Однако потрясенный Галлоуэй вскоре указал место. Мертвец, высокий и кряжистый, лежал ничком в густой траве, и поначалу все разглядели только, что его могучие плечи облекала черная ткань, а крупная голова казалась лысой – лишь кое-где к черепу прилипли клочки темных волос, будто мокрые водоросли. Кровь алой змейкой выползала из-под головы убитого.

– По крайней мере, он не из нашей компании, – с не вполне определимой интонацией проговорил Симон.

– Доктор, осмотрите его! – воскликнул Валантэн. – Быть может, он еще жив.

Доктор наклонился к телу:

– Еще не остыл, но, боюсь, он все-таки умер. Помогите его поднять.

Как только труп осторожно приподняли над землей, все сомнения развеялись – голова откатилась в сторону. Тот, кто перерезал несчастному горло, совершенно отделил голову от тела.

Даже на Валантэна это произвело сильное впечатление.

– Убийца, должно быть, силен, как горилла, – пробормотал сыщик.

Доктор Симон подобрал голову, не сумев сдержать дрожь, хотя и был привычен к анатомическому препарированию. На шее и подбородке трупа виднелись следы порезов, но лицо

в целом не пострадало. Оно было тяжеловесное, желтоватое, одновременно и распухшее, и осунувшееся, с ястребиным носом и набрякшими веками – лицо порочного римского императора, не лишенное при этом сходства с императором китайским. Никто из присутствующих его не признал. Больше ничего особенного в покойнике не было – разве что, поднимая тело, все заметили белоснежную сорочку, обезображенную багряными пятнами крови. Как и сказал доктор Симон, убитый не принадлежал к их компании. Возможно, впрочем, он рассчитывал к ней присоединиться, поскольку пришел одетым для светского вечера.

Валантэн, опустившись на четвереньки, с профессиональной тщательностью обследовал траву и почву ярдов на двадцать вокруг трупa, в чем ему не столь профессионально помогал доктор и совсем уж беспомощно – английский лорд. Поиски не принесли никакого результата, если не считать нескольких мелко наломанных или нарубленных прутьев. Валантэн уделил им беглый взгляд и тут же отшвырнул.

– Прутики! – произнес он торжественно. – Прутики и незнакомец с отрезанной головой; больше на газоне ничего нет.

Последовало жутковатое молчание. Вдруг окончательно павший духом Галлоуэй воскликнул:

– Кто это?! Кто это там, у ограды?

Низенькое существо с нелепо громадной головой в неверном лунном свете казалось похожим на гоблина, однако уже в следующий миг стало ясно, что это безобидный маленький священник – его бросили одного в гостиной.

– Знаете, а ведь в этом саду нет калитки, – промолвил он смиренно.

Валантэн гневно сдвинул брови, что всегда делал из принципа при виде человека в сутане. Впрочем, справедливый по природе, он не мог не признать, что замечание святого отца весьма к месту.

– Вы правы! – сказал сыщик. – Прежде чем задумываться, как его убили, нужно выяснить, как он сюда попал. Вот что я скажу, джентльмены: давайте договоримся, что некоторые слишком известные имена не должны прозвучать в связи с данным делом, если только возможно будет устроить это без ущерба моему профессиональному долгу. Среди нас присутствуют дамы, а также иностранный посол. Если станет несомненным, что здесь совершилось преступление, мы и будем расследовать этот случай как преступление, но до тех пор я не намерен его разглашать. Я глава сыскной полиции – то есть лицо настолько публичное, что могу себе позволить некоторую приватность. Если Господу будет угодно, я очищу от подозрений всех своих гостей, прежде чем отправить подчиненных на поиски других возможных виновников. Джентльмены, под ваше честное слово пусть никто из вас не покинет мой дом до завтрашнего полудня; комнаты найдутся для всех. Симон, полагаю, вы знаете, где найти Ивана, моего камердинера. Он дежурит в холле, и он человек надежный. Скажите ему, пусть оставит вместо себя другого слугу, а сам немедленно явится ко мне. Лорд Галлоуэй, вы лучше всех сумеете рассказать о случившемся дамам и успокоить их. Они тоже должны здесь остаться. А мы с отцом Брауном пока побудем возле тела.

Когда Валантэн начинал говорить тоном главнокомандующего, ему повиновались беспрекословно, как звуку боевой трубы. Доктор Симон бегом помчался в арсенал и привел Ивана – частного сыщика при сыщике официальном. Галлоуэй отправился в гостиную и с таким тактом сообщил ужасные новости, что когда подошли остальные, дамы успели уже и напугаться, и успокоиться. Тем временем славный священник и славный атеист стояли на карауле у тела, недвижимые в лунном свете, словно скульптурные аллегории каждой своей философии посмертия.

Надежный человек Иван со шрамом и усами вылетел из дома, словно пушечное ядро, и подбежал к Валантэну, будто верный пес к хозяину. Его багровое лицо оживилось при изве-

стии о преступлении, и было почти неприятно видеть, с каким азартом он просит у хозяина дозволения осмотреть труп.

– Смотрите, если угодно, – ответил Валантэн, – только побыстрее. Обсудим все в доме. Иван вдруг вскинул голову и тут же низко ее опустил.

– Как же это! – воскликнул слуга. – Нет, невозможно... Вы знаете этого человек, сэр?

– Нет, – равнодушно промолвил Валантэн. – Идемте в дом.

Общими усилиями тело перенесли на диван в кабинете, а затем все отправились в гостиную.

Сыщик спокойно и без колебаний уселся за письменный стол, однако взгляд его был суров, как у судьи. Записав что-то на листе бумаги, Валантэн коротко спросил:

– Все здесь?

– Кроме мистера Брейна, – сказала, оглядываясь по сторонам, герцогиня Мон-Сен-Мишель.

– Да, – хрипло подтвердил лорд Галлоуэй. – И мистера Нила О'Брайена. Мистер Брейн, я знаю, докуривает сигару в столовой. Майор О'Брайен, кажется, расхаживает по оранжерее, но я не уверен.

Верный слуга мигом покинул комнату, а Валантэн по-военному стремительно продолжил свою речь, не дав никому времени вставить слово:

– Все вы уже знаете, что в саду найден обезглавленный мертвец. Доктор Симон, вы осмотрели тело. Как вы считаете, чтобы вот так перерезать человеку горло, нужна большая физическая сила? Или всего лишь исключительно острый нож?

– Я бы сказал, ножом это вообще невозможно сделать, – ответил бледный доктор.

– А каким инструментом это могло быть сделано?

– Если не выходить за рамки современности – никакого подобного инструмента я вообразить не могу, – отзвался доктор, страдальчески выгнув бровь. – Перерубить человеку шею даже очень грубо – нелегкая задача, а здесь у нас вполне чистый разрез. Такое можно было бы осуществить боевой секирой, или старинным топором палача, или не менее старинным двуручным мечом.

– Господи боже! – истерически вскрикнула герцогиня. – Здесь нет ни секир, ни двуручных мечей!

– А скажите, – промолвил Валантэн, продолжая быстро писать, – можно было это сделать французской кавалерийской саблей?

Тут в дверь постучали, и почему-то от этого негромкого звука у всех кровь застыла в жилах, как от стука в «Макбете».

Среди общего оцепенелого молчания доктор Симон с трудом выговорил:

– Саблей... Да, пожалуй, можно.

– Спасибо, – поблагодарил Валантэн. – Иван, входите!

Надежный Иван ввел в комнату майора О'Брайена, который в конце концов снова отыскался в саду.

Ирландец, весь взъерошенный, замер на пороге и с вызовом крикнул:

– Что вам от меня надо?

– Пожалуйста, садитесь, – учтиво и ровно ответил Валантэн. – Однако вы без сабли... Где она?

– В библиотеке на столе оставил, – буркнул О'Брайен. В минуты волнения его ирландский акцент заметно усиливался. – Она мне мешала, цеплялась за все...

– Иван, – приказал сыщик, – будьте так добры, принесите из библиотеки саблю майора.

Слуга исчез, а Валантэн вновь обратился к Нилу О'Брайену:

– Лорд Галлоуэй говорит, вы ушли из сада как раз перед тем, как он обнаружил труп. Что вы там делали?

Майор с бесшабашным видом бросился в кресло и воскликнул на чистом ирландском:
– Да так, луной любовался! Единение с природой, дружище.

Последовало тягостное молчание. Оно все длилось и длилось, и наконец вновь раздался ужасный в своей банальности стук. Иван предъявил собравшимся пустые стальные ножны и пояснил:

– Больше ничего не нашлось.

– Положите на стол, – велел Валантэн, не отрываясь от своей писанины.

В комнате наступила тягостная тишина – такая бывает в суде, когда объявляют смертный приговор. Беспомощные восклицания герцогини давно уже отзвучали. Непомерная ненависть лорда Галлоуэя была утолена, и вместо нее пришло даже нечто вроде отрезвления.

Тут неожиданно заговорила леди Маргарет – звонким, чуть дрожащим голосом, каким говорит отважная женщина, если вынуждена высказываться на публике:

– Я скажу! Мистер О’Брайен не может вам ответить, что он делал в саду, поэтому отвечу я! Он просил меня выйти за него замуж. Я отказала. Я объяснила, что в силу обстоятельств могу подарить ему только свое уважение. Он немножко рассердился. Кажется, мое уважение ему не требовалось. Любопытно, – прибавила она с бледной улыбкой, – как он теперь к нему отнесется? Потому что я снова предлагаю ему свое уважение. Я готова где угодно поклясться, что он ни за что не сделал бы такого!

Лорд Галлоуэй бочком придвинулся к дочери и стал увещевать ее, воображая, будто понизил голос.

– Мэгги, придержи язык! – промолвил он громовым шепотом. – Зачем ты защищаешь этого типа? Где его сабля? Где, черт побери, его кавалерийская...

Лорд запнулся, озадаченный странным выражением лица дочери, – к ней в эту минуту были прикованы все взгляды.

– Старый дурень! – произнесла она негромко, хотя и без всякого почтения. – Чего ты добиваешься? Я сказала, что этот человек был со мной и что он невиновен. А если бы он был виновен, все равно мы находились вместе! Если он только что убил человека в саду – кто видел это или уж по крайней мере не мог не знать? Неужели ты так ненавидишь Нила, что готов и собственную дочь...

Леди Галлоуэй пронзительно вскрикнула. Остальные с дрожью волнения наблюдали, как у них на глазах разворачивается дьявольская трагедия – из тех, что случаются между влюбленными. Перед собравшимся обществом старинными портретами выступали из темноты бледное, исполненное гордости лицо шотландской аристократки и ее возлюбленного, ирландского авантюриста. Затянувшаяся пауза таила в себе неясные воспоминания об ужасных исторических случаях – убитых мужьях и коварных любовниках.

Среди зловещей тишины прозвучал бесхитростный голос:

– А что, сигара была очень длинная?

Такая неожиданная смена темы заставила всех обернуться к говорившему.

– Это я к тому, – пояснил из угла низенький отец Браун, – что мистер Брейн все никак не докурит свою сигару. Она, должно быть, длиною с хорошую трость...

Сказано было ни к селу ни к городу, однако в лице Валантэна отразилась не только досада, но и одобрение.

– Совершенно верно! – заметил он отрывисто. – Иван, ступайте еще раз к мистеру Брейну и приведите его сюда!

Едва за доверенным слугой закрылась дверь, Валантэн с жаром обратился к девушке:

– Леди Маргарет, мы все, безусловно, восхищены и благодарны за то, что вы сумели подняться выше мелочных условностей и объяснили нам поведение майора. Однако небольшой промежуток времени все же остается непоясненным. Лорд Галлоуэй, насколько я понял,

встретил вас по пути из кабинета в гостиную, а майора в саду он увидел лишь спустя несколько минут.

– Не забывайте, я только что ему отказала, – с легкой иронией ответила леди Маргарет. – Не могли же мы вернуться рука об руку! Он все-таки джентльмен. Он задержался в саду... И теперь его обвиняют в убийстве!

– В эти краткие минуты он и в самом деле мог... – очень серьезно проговорил Валантэн.

Вновь раздался стук, и из-за двери выглянуло изуродованное шрамом лицо Ивана:

– Прошу прощения, сэр. Мистер Брейн изволил удалиться.

– Удалиться! – вскричал Валантэн, впервые за все это время вскакивая на ноги.

– Уехал. Сбежал. Испарился, – отвечал Иван, блистая остроумием, свойственным французскому языку. – Шляпа и пальто исчезли тоже. И знаете, что всего удивительнее? Я выбежал из дома – хотел взглянуть, не осталось ли следа... И след нашелся. Довольно-таки большой след.

– Что это значит? – спросил Валантэн.

– Я вам покажу, – отзвался слуга, входя в комнату.

В руках у него сверкнула обнаженная кавалерийская сабля. Острие и кромка лезвия были запятнаны кровью.

Все застыли, как громом пораженные. Иван же, человек опытный, спокойно продолжал:

– Кто-то забросил ее в кусты у дороги, ярдах в пятидесяти от дома, по направлению к Парижу. Другими словами – ваш почтенный мистер Брейн туда ее забросил, удирая.

Вновь наступило молчание, но уже совсем иного сорта. Валантэн, взяв саблю в руки, сосредоточенно ее осмотрел, а затем уважительно обратился к О'Брайену:

– Я полагаю, майор, в случае необходимости вы предоставите эту саблю полиции для осмотра. А пока позвольте вернуть вам ее, – прибавил сыщик, вкладывая стальной клинок в звенящие сталью ножны.

Этот символический жест был встречен общими аплодисментами, а для Нила О'Брайена стал поворотным пунктом всей его жизни. Выйдя ранним утром снова в потаенный сад, майор уже не являл собой трагически-печального образа; жизнь ему улыбалась. Лорд Галлоуэй, будучи джентльменом, принес ему свои извинения. Леди Маргарет, будучи не просто леди, а истинной женщиной, должно быть, подарила ему нечто лучшее, чем извинения, еще до завтрака, прогуливаясь меж цветочных клумб. Компания гостей словно стала веселее и человечнее; хотя смерть незнакомца и оставалась загадкой, бремя подозрений покинуло их и улетело в Париж, вслед за чудаковатым миллионером, которого все они едва знали. Дьявол был изгнан из дома – точнее, он сам себя изгнал.

Однако загадка оставалась; и когда О'Брайен уселся на садовые качели рядом с доктором Симоном, почтенный ученый немедленно заговорил о ней. Впрочем, от О'Брайена он не добился отклика – ирландца занимали куда более приятные мысли.

– Честно говоря, меня это не слишком интересует, – признался О'Брайен. – Тем более все уже, в общем, ясно. Видимо, Брейн почему-то затаил злобу на этого неизвестного типа, заманил его в сад и оттяпал голову моей саблей. Потом сбежал в Париж, а саблю выкинул по дороге. Между прочим, Иван мне сказал, что у мертвеца в кармане был американский доллар. Значит, он соотечественник Брейна – все сходится. Дело совсем простое!

– В этом деле, – тихо промолвил доктор, – имеются пять колоссальных сложностей, словно стены за высокими стенами. Поймите меня правильно – я не сомневаюсь в виновности Брейна. Его бегство тому подтверждение. Вопрос в другом: как он это проделал? Сложность первая: зачем убивать человека здоровенной саблей, когда с тем же успехом его можно зарезать перочинным ножом, который свободно помещается в кармане? Сложность вторая: почему мы не слышали криков и вообще никакого шума? Разве не было бы естественно издать какой-нибудь звук при виде человека, размахивающего саблей? Третья сложность: входная дверь весь

вечер была на глазах у доверенного слуги, а в сад Валантэна даже крыса не прошмыгнет. Как убитый оказался в саду? Сложность четвертая: как Брейн выбрался из сада?

– А пятая? – спросил О’Брайен, глядя, как к ним по садовой тропинке медленно приближается английский священник.

– Сущий пустяк, полагаю, – ответил доктор, – но пустяк довольно странный. В первую минуту я подумал, что голову отрубили не с одного удара, однако рассмотрев внимательнее, увидел отметины от клинка прямо на срезе – другими словами, удары были нанесены уже после того, как голову отделили от туловища. Неужели Брейн так безумно ненавидел своего врага, что продолжал кромсать саблей мертвеца в лунном свете?

– Ужасно! – содрогнулся О’Брайен.

Пока они разговаривали, подошел маленький отец Браун. Дождавшись, со своей обычной застенчивостью, пока те умолкнут, он несмело вымолвил:

– Простите, если помешал, но меня отправили сообщить вам новость!

– Новость? – повторил Симон, напряженно глядя на него сквозь очки.

– Да, простите, – кротко повторил отец Браун. – Видите ли, произошло еще одно убийство.

Оба вскочили, так что сиденье закачалось.

– И что самое удивительное, – продолжал священник, устремив свой невыразительный взор на заросли рододендронов, – тот же гадкий способ – отсечение головы. Вторая голова валялась у самой реки, так что кровь стекала в воду... Чуть дальше по направлению к Парижу. Оттого и предположили, что Брейн...

– Господь всемогущий! – воскликнул О’Брайен. – Он что, маньяк?

– В Америке существует кровная месть, – бесстрастно заметил маленький патер и тут же добавил: – Вас просят прийти осмотреть голову. Она в библиотеке.

Майор О’Брайен последовал за врачом и священником; его подташнивало. Как человек военный, он испытывал омерзение от скрытной бойни; когда же закончатся эти оголтелые усекновения? Сперва одному отхватили голову, потому другому... Вот вам случай, с горечью думал майор, когда неправду говорит старая поговорка, будто бы две головы лучше, чем одна.

Проходя через кабинет Валантэна, О’Брайен чуть не споткнулся, пораженный неожиданным совпадением. На письменном столе он увидел рисунок еще и третьей окровавленной головы; притом головы самого Валантэна. Присмотревшись, майор убедился, что тут лежала всего лишь националистическая газетенка под названием «Гильотина», где еженедельно публиковали изображение какого-нибудь политического противника после казни, с искаженным лицом и выпученными глазами; Валантэн же прославился своим антиклерикализмом. Ирландец О’Брайен отличался своеобразной чистотой души даже во грехе; у него желчь подступила к горлу от этой чисто французской интеллектуальной жестокости. Париж показался ему единым живым чудовищем – от химер на готических соборах до безобразных газетных карикатур. Тут же вспомнилось и кровавое шутовство революции. Весь город был словно сгустком злобной энергии – начиная с людоедского рисунка на столе у Валантэна и заканчивая ухмыляющимся дьяволом на крыше собора Парижской Богоматери, над чащобой оскаленных горгулий.

В длинной темной библиотеке с низким потолком красноватый утренний свет едва пробивался под опущенными шторами. Валантэн и его слуга Иван стояли возле длинного, чуть наклонного письменного стола, где, пугающие в полумраке, лежали бранные останки. Крупное тело в черном и желтое лицо человека, найденного в саду, несколько не изменились. Рядом лежала вторая голова, найденная у реки в камышах. Люди Валантэна все еще не нашли оставшуюся часть второго тела – как предполагали, его унесло течением. Отец Браун, видимо, не такой впечатлительный, как О’Брайен, бестрепетно осмотрел вторую голову, близоруко помаргивая. Мокрый ком седых волос в лучах утренней зари вспыхивал серебряными бликами; урод-

ливое багровое лицо – возможно, преступного склада – сильно побило течением о камни или корни деревьев.

– Доброе утро, майор, – приветливо поздоровался Валантэн. – Полагаю, вы уже слышали о новом палаческом эксперименте Брейна?

Отец Браун, все еще склоняясь над беловолосой головой, поинтересовался:

– Значит, нет сомнений, что и эту голову отрезал Брейн?

– Так подсказывает логика, – ответил Валантэн, заложив руки в карманы. – Второй убит точно таким же способом. Найден буквально в двух шагах от первого. Разрублен тем же оружием – как мы знаем, преступник унес клинок с собой.

– Да-да, я помню, – смиренно отозвался отец Браун. – И все-таки вряд ли Брейн мог отрезать эту голову.

– Почему? – с научным интересом спросил доктор Симон.

Священник выпрямился и снова заморгал:

– Доктор, а разве может человек отрезать голову самому себе? По-моему, сомнительно.

О’Брайену почудилось, что мир вокруг пошатнулся; однако доктор деловито подскочил к голове и отвел со лба мокрые седые волосы.

– О, это, безусловно, Брейн, – вполголоса заметил Браун. – У него на левом ухе был такой шрамик...

Сыщик, не сводя сверкающего взора с отца Брауна, разомкнул стиснутые губы и резко проговорил:

– А вы много о нем знаете.

– Да, – просто ответил низенький священник. – Мы с ним почти целый месяц тесно общались. Он подумывал принять католичество.

Глаза Валантэна зажглись фанатическим огнем; сыщик подскочил к патеру, сжимая кулаки.

– Быть может, – вскричал он с презрительной насмешкой, – Брейн и денежки свои подумывал оставить вашей церкви?

– Быть может, – невозмутимо отозвался отец Браун. – Это не исключенно.

– В таком случае, – крикнул Валантэн с ужасной улыбкой, – вы и в самом деле немало о нем знаете! О его жизни и его...

Майор О’Брайен тронул сыщика за локоть:

– Валантэн, бросьте эту нелепую клевету, не то как бы снова не пришлось взяться за сабли!

Однако Валантэн уже и сам опомнился под спокойным, кротким взглядом священника.

– Впрочем, – бросил он отрывисто, – личные мнения могут и подождать. Джентльмены, вы по-прежнему связаны обещанием не покидать этот дом; придется вам самим проследить за собой... и друг за другом. Если вы еще что-то хотите узнать, Иван вам расскажет, а мне нужно написать отчет. Больше нельзя скрывать случившееся. Если будут еще новости – я у себя в кабинете.

– Есть еще новости, Иван? – спросил доктор Симон, как только глава парижского сыска вышел за дверь.

– Только одна подробность, сэр, – ответил Иван, по-стариковски сморщившись. – Но на свой лад тоже довольно важная. Тот старикан, которого вы нашли в саду... – Слуга весьма непочтительно указал пальцем на покойника в черном костюме и с желтым лицом. – Мы выяснили, кто он такой.

– Да неужели! – изумился доктор. – И кто же?

– Его имя – Арнольд Беккер, – сообщил помощник детектива. – Хотя у него была куча вымышленных имен. Сам он шатался по свету без дела; побывал и в Америке. Там, видно, и перешел дорогу Брейну. Мы с ним почти не сталкивались; он занимался безобразиями в

основном в Германии. Конечно, мы связались с немецкой полицией. Но что любопытно – у него был брат-близнец, Луи Беккер, так вот с этим мы как раз очень даже сталкивались. Прямо-таки вчера отправили его на гильотину. Странное дело, джентльмены, – я так и вздрогнул, когда увидел, как он лежит в саду на травке. Я бы поклясться мог, что это Луи Беккер и есть, если бы не видел собственными глазами, как того казнили. Потом-то я уж вспомнил про близнеца в Германии и начал поиски...

Тут Иван прекратил объяснения, потому что его никто не слушал. Майор и доктор установились на отца Брауна, а тот поднялся с места, прижав ладони к вискам, словно от сильной боли.

– Стойте, стойте! – закричал священник. – Помолчите минутку! Я никак не могу увидеть целое! Боже, дай мне силы! Когда-то я умел неплохо думать... Мог любую страницу из Фомы Аквинского пересказать своими словами. Сейчас у меня голова лопнет – или прозреет наконец? Я не вижу целого! Вижу только половину!

Он замер, мучительно обхватив голову руками, словно в раздумье или в молитве. Остальные только молча созерцали очередное чудо – последнее за эти безумные двенадцать часов.

Наконец отец Браун опустил руки, открыв лицо, серьезное и ясное, как у ребенка, и проговорил с тяжелым вздохом:

– Покончим с этим по возможности скорее. Слушайте, вот так будет быстрее всего объяснить вам правду. У вас, доктор Симон, голова хорошо работает. Я слышал утром, вы перечислили пять самых трудных вопросов в этом деле. Задайте их, пожалуйста, снова, а я отвечу.

Симон от неожиданности уронил пенсне, однако немедленно выполнил просьбу:

– Первый вопрос: зачем убивать громоздкой саблей, когда можно убить человека маленьким кинжальчиком?

– Кинжалом невозможно отсечь голову, – спокойно ответил отец Браун. – А для этого убийства отсечение головы было совершенно необходимо.

– Почему? – поинтересовался О'Брайен.

– Следующий вопрос? – осведомился отец Браун.

– Почему тот человек не крикнул, не позвал на помощь? – спросил в свою очередь доктор. – Размахивать саблей в саду – не самое обычное занятие.

– Прутики, – мрачно произнес отец Браун, подходя к окну с видом на место убийства. – Никто не сообразил, в чем была их роль. Почему они валялись посреди лужайки – взгляните! – так далеко от деревьев? Они не были отломаны – они были разрублены! Убийца отвлек своего врага, показывая фокусы с саблей, – рубил подброшенные в воздух ветки или еще что. А когда враг наклонился посмотреть на результат этих упражнений – бесшумный взмах, и голова покатилась по земле.

– Ну-у, – протянул доктор. – Это, пожалуй, вполне похоже на правду. Однако следующие два вопроса кого угодно поставят в тупик!

Священник молча ждал, критически глядя в окно.

– Все вы знаете, что сад со всех сторон непроницаем, словно герметичная камера, – продолжал доктор. – Каким же образом посторонний сумел пробраться в сад?

Маленький патер, не оборачиваясь, ответил:

– В саду не было посторонних.

Последовала долгая пауза, и тут взрыв почти детского смеха разрядил напряжение. Нелепая реплика священника подвигла Ивана на открытую издевку:

– Ага, выходит, мы вчера вечером не притащили на диван тяжеленный труп? Он, стало быть, не проник вчера в сад?

– В сад? – задумчиво переспросил отец Браун. – Нет, не совсем.

– Пропади все пропадом! – не выдержал Симон. – Человек или приходит в сад, или не приходит!

– Не обязательно, – возразил священник со слабой улыбкой. – Доктор, какой ваш следующий вопрос?

– По-моему, вы больны, – резко проговорил доктор Симон. – Но я задам свой вопрос, если хотите. Как Брейн выбрался из сада?

– Он не выбрался, – ответил священник, по-прежнему глядя в окно.

– Не выбрался из сада? – возмутился Симон.

– Не совсем, – уточнил отец Браун.

Вся французская логика вскипела в докторе; он закричал, потрясая кулаками:

– Человек или выходит из сада, или остается в саду!

– Не всегда, – заметил отец Браун.

Доктор Симон в гневе вскочил:

– Некогда мне пустой болтовней заниматься! Если вы не понимаете, что человек может находиться либо по одну сторону стены, либо по другую, то мне с вами и разговаривать не о чем!

– Доктор, – мягко отвечал священник, – мы с вами всегда отлично ладили. Хотя бы ради старой дружбы – останьтесь и задайте ваш пятый вопрос.

Симон раздраженно опустился в кресло у самой двери и проговорил отрывисто:

– На голове и плечах были очень странные отметины – словно кто-то рубил их уже после смерти.

– Да, – сказал недвижный патер. – Это сделали специально, чтобы вы пришли к одному неверному выводу – и вы к нему пришли. Более того, считаете его само собой разумеющимся. Это было сделано, чтобы вы решили, будто голова принадлежала телу.

В кельтской душе О'Брайена сместилась граница разума – та, за которой рождаются чудовища. Ему вдруг представились все полулюди-полукони и полуженщины-полурыбы, каких только измыслила противоестественная фантазия с начала времен. Голос куда древнее его праотцев нашептывал: «Берегись чудовищного сада, где растет дерево, двойные плоды приносящее! Беги из ужасного сада, где умер человек с двумя головами». Но в то самое время, когда эти постыдные символические образы проносились в древнем зеркале его ирландской души, разум О'Брайена, успевший пропитаться французским рационализмом, наблюдал за отцом Брауном внимательно и недоверчиво, как и прочие присутствующие.

А отец Браун отвернулся наконец от окна. Лицо его на фоне яркого света скрывала густая тень, однако даже так было видно, что он бледен как полотно. Впрочем, заговорил он вполне рассудительно, словно и нет на свете пылкого кельтского воображения.

– Джентльмены! – сказал маленький священник. – Вы не нашли вчера мертвое тело незнакомца по фамилии Беккер. И вообще не нашли незнакомое мертвое тело. Перед лицом вашей, доктор Симон, логики я все-таки утверждаю, что Беккер присутствовал в саду лишь отчасти. Смотрите! – Он указал на черную громаду загадочного трупа. – Этого человека вы никогда в жизни не видели. А этого?

Он быстро откатил в сторону желтую лысую голову неизвестного и приставил на ее место вторую, с гривой спутанных седых волос.

Ошибиться было невозможно – перед ними, единый и целый, лежал Джулиус К. Брейн.

Отец Браун негромко продолжал:

– Убийца отрубил голову своему врагу, а саблю перебросил через стену. Но он был слишком умен и бросил не только саблю. Он зашвырнул за стену и голову. Оставалось только пристроить к трупу другую голову, запасную, и всем вам представился совершенно незнакомый человек – а посторонних нам велели не привлекать к расследованию.

– Пристроил другую голову! – О'Брайен выпучил глаза. – Какую еще другую? Головы на кустах, что ли, растут?

– Нет, – сдавленно ответил патер Браун, глядя себе под ноги. – Они растут совсем в ином месте. В корзине возле гильотины, рядом с которой не более чем за час до убийства находился глава сыскной полиции Аристид Валантэн. Ах, друзья мои, послушайте меня еще минуту, прежде чем разорвать на куски. Валантэн – честный человек, если можно назвать честностью безумие во имя сомнительной цели. Но разве вы раньше не замечали в его холодных серых глазах безумия? Он готов на все, на все абсолютно, лишь бы разрушить то, что он называет «суеверием Креста». Ради этого он боролся и голодал, а теперь пошел и на убийство. До сих пор сумасшедшие миллионы Брейна расходились по множеству мелких сект, не слишком нарушая устоявшийся порядок вещей. Однако ушей Валантэна достигли слухи о том, что Брейн, как и многие бессистемные скептики, постепенно склоняется к нашей вере, а это уже совсем другое дело. Деньги Брейна дали бы новые силы обедневшей и воинственной французской церкви; он мог бы содержать шесть националистических газеток в духе «Гильотины». Исход битвы висел на волоске, и фанатик ринулся в атаку. Решившись уничтожить Брейна, он взялся за дело так, как и подобает величайшему сыщику совершить свое единственное преступление. Под предлогом какого-нибудь криминологического исследования он забрал отрубленную голову Беккера и привез ее домой в служебной шкатулке. В последний раз он попытался урезонить Брейна – лорд Галлоуэй услышал обрывок этого спора. Потерпев неудачу, Валантэн вывел миллионера в уединенный сад, завел речь о фехтовании, продемонстрировал свое мастерство при помощи сабли и прутьев, а затем...

Иван, человек со шрамом, вскочил и заорал:

– Да вы псих! Идите сейчас же к моему хозяину, или я вас за шиворот поволоку...

– Да я и так собирался, – мрачно ответил священник. – Нужно попросить его сознаться и так далее...

Гоня перед собой злосчастного Брауна, словно заложника или жертву на заклатие, они ввалились в неожиданно тихий кабинет Валантэна.

Великий сыщик сидел за письменным столом, не обращая внимания на шум, – должно быть, слишком углубился в работу. В следующий миг некая странность в очертаниях его элегантной прямой спины заставила доктора рвануться вперед.

Один взгляд и одно прикосновение убедили его в том, что на столе перед Валантэном лежит коробочка с пилюлями, а сам Валантэн сидит в кресле мертвый. На ослепшем лице самоубийцы застыла гордыня, какая и не снилась Катону.

Странные шаги¹²

Если вам доведется встретить члена элитного клуба «Двенадцать лучших рыболовов», входящего в отель «Вернон» для участия в ежегодном торжественном клубном ужине, вы заметите на нем, когда он снимет плащ, зеленый, а не черный фрак. Если же (хотя для этого вам необходимо обладать достаточной отвагой и, невзирая на лица, обратиться к столь важной персоне) вы еще и спросите о причине подобного чудачества, он, вероятно, небрежно ответит, что не желает быть принятым за официанта. И вы, стушевавшись, отойдете в сторону, но при этом вам останется неизвестной и неразгаданной тайна, история которой поистине достойна изложения.

А если (мы продолжаем здесь ряд маловероятных случайностей) вы встретите скромного, вечно занятого маленького священника по имени отец Браун и поинтересуетесь, при каких обстоятельствах, по его мнению, ему сопутствовала самая памятная в жизни удача, он, скорее всего, скажет, что фортуна в наибольшей степени улыбнулась ему как раз в отеле «Вернон», где он предотвратил преступление и, вполне возможно, спас душу человеческую, просто вслушавшись в шаги, доносившиеся из коридора. Он с полным правом немного горд своей невероятной и в какой-то степени чудесной догадливостью, а потому может даже пожелать упомянуть о ней в разговоре. Но поскольку представляется практически невозможным, что вы когда-либо достигнете в свете таких высот, чтобы попасть в клуб «Двенадцать лучших рыболовов», или падете настолько низко и встретите среди отбросов общества и преступников отца Брауна, боюсь, вам никогда не суждено услышать этой истории ни от кого, кроме как от меня.

Отель «Вернон», где «Двенадцать лучших рыболовов» проводили свой ежегодный ужин, принадлежал к числу заведений, какие могут существовать только в олигархическом обществе, почти свихнувшемся на соблюдении самых нелепых правил хорошего тона. Он стал именно подобным «привилегированным» коммерческим предприятием, где все поставлено с ног на голову. То есть здесь зарабатывали не на том, чтобы привлекать как можно больше клиентов, а как раз за счет того, что почти всех отвергали. В мире, где правят деньги, торговцы ухитрились стать более разборчивыми, чем те, кого они призваны обслуживать. Они намеренно создают проблемы, чтобы их богатая и скукающая клиентура тратила как можно больше денег и прибегала к самым изощренным дипломатическим усилиям для преодоления искусственно воздвигнутых преград. Если бы в Лондоне открылся модный клуб, куда не пускали бы никого, кто ниже шести футов ростом, светское общество покорно стало бы устраивать там ужины только для долговязых мужчин. Если бы существовал безумно дорогой ресторан, который в силу чистого каприза своего владельца работал бы только по четвергам после полудня, каждый четверг там яблоку негде было бы упасть. Отель «Вернон» как бы ненароком расположился в углу одной из площадей фешенебельного района Белгравия. Причем это был маленький и очень неудобный отель. Но даже сами по себе его неудобства считались надежной оградой покоя для людей, принадлежавших к высшему общественному классу. И одно из неудобств в особенности имело для этого крайне важное значение: тот факт, что одновременно в отеле могли собраться к ужину не более двадцати четырех человек. Единственным большим обеденным столом здесь был знаменитый стол на террасе, располагавшийся на открытом воздухе с видом на один из самых красивых старых садов Лондона. А потому получалось, что разместить за ним даже двадцать четыре участника трапезы удавалось лишь при теплой погоде, делая доступ к ужину в отеле еще более затруднительным, а значит, тем более вожделенным. Нынешним владельцем отеля был еврей по фамилии Лавер, сколотивший почти миллионное состояние, максимально затруднив в него доступ. Но, разумеется, он сочетал исключительную закрытость своего заве-

---

¹² © Перевод. И. Моничев, 2015

дения с не менее тщательной заботой о его высочайшем качестве. Выбор вин и кухня находились на уровне лучших европейских стандартов, а вышколенная обслуга вела себя в точном соответствии с устоявшимися вкусами английского правящего класса. Хозяин знал всех своих официантов как пять пальцев на руке; всего же их насчитывалось пятнадцать. Причем куда легче было стать членом парламента, чем получить работу официанта в этом отеле. Каждый из них проходил суровое обучение сдержанности и обходительности, словно ему предстояло стать личным камердинером истинного джентльмена. И в самом деле, обычно на одного обслуживающего джентльмена в отеле приходился по крайней мере один официант.

Клуб «Двенадцать лучших рыболовов» не согласился бы устраивать свои обеды нигде, кроме как в таком месте, поскольку его члены настаивали на роскоши абсолютной приватности и были бы крайне расстроены от одной только мысли, что кому-то другому дозволено устроить ужин в том же помещении одновременно с ними. По случаю ежегодного ужина у рыболовов вошло в привычку извлекать на свет божий все свои сокровища, как это было принято в частных домах. И их главной ценностью считался прославленный набор рыбных ножей и вилок с эмблемой клуба, в котором каждая вещь представляла собой изделие ручной работы из серебра в форме рыбки с украшением в виде крупной жемчужины на ручке. Приборы всякий раз выкладывали на стол перед подачей блюда из рыбы, а рыбное блюдо неизменно становилось самым великолепным украшением столь блестящего пиршества. У клуба сложилось великое множество церемоний и ритуалов, хотя при этом он не имел ни богатой истории, ни какой-либо цели, что и делало его столь утонченно аристократичным. Вам не нужно было ничего добиваться в жизни, чтобы стать одним из двенадцати избранных; если вы уже не являлись определенного сорта личностью, то никогда не узнали бы, что такой клуб есть вообще. Между тем существовал он уже двенадцать лет. Его президентом был мистер Одли. Вице-президентом – герцог Честерский.

Если мне хотя бы до некоторой степени удалось передать атмосферу этого чрезвычайно необычного клуба, у читателя может возникнуть недоуменный вопрос, как я сам сумел узнать о нем так много, и уже тем более его заинтересует, каким образом столь заурядная персона, как мой друг отец Браун, оказалась, фигурально выражаясь, в стенах этого золотого дворца. В этой своей части моя история крайне проста и даже несколько низменна. Существует в этом мире один очень древний бунтарь и демагог, который порой врывается в самые роскошные чертоги с крайне неприятным известием, что все люди – братья, все созданы равными, и куда бы этот извечный уравнилитель не прискакал на своем бледном коне¹³, профессия отца Брауна повелевает следовать за ним. В тот день у одного из официантов, итальянца по происхождению, случился инсульт, и его еврейский работодатель, удивляясь про себя столь странному суеверию, согласился послать за первым попавшимся под руку папистским священнослужителем. В каких грехах умирающий исповедался отцу Брауну, нам неизвестно по той простой причине, что священник, как и положено, сохранил тайну исповеди, но, по всей видимости, последней волей итальянца стала просьба написать за него письмо или заявление, имевшее целью передать некое сообщение, а возможно, даже исправить свершившуюся в прошлом несправедливость. Поэтому отец Браун с мягкой настойчивостью, какую, уверяю вас, он проявил бы даже в самом Букингемском дворце, попросил предоставить ему помещение и письменные принадлежности. Мистер Левер испытал при этом двойственные чувства. Он был человеком добрым, хотя за доброту часто принимал собственное отвращение к всевозможным проблемам и сложным ситуациям. В то же время присутствие странного чужака в отеле особенно тем вечером воспринималось им как грязное пятно на чем-то, только что до блеска вычищенном. В отеле «Вернон» никогда не существовало ни приемной, ни холла при входе, где могли бы располо-

¹³ По евангельской легенде, на бледном коне скачет один из четырех всадников Апокалипсиса – Смерть. – *Здесь и далее примеч. пер.*

житься в ожидании посторонние люди, куда грозили бы случайно попасть неожиданные гости. Всегда имелись в наличии пятнадцать официантов. Всегда ожидалось одни и те же двенадцать клиентов. И обнаружить в отеле перед самым ужином новое лицо было так же поразительно, как узнать, что в твоей собственной семье к завтраку или к чаю явился прежде неведомый брат или другой родственник. Более того, священник выглядел каким-то заштатным, второсортным, в неряшливом и местами испачканном облачении; даже случайная встреча с ним гостей, один лишь взгляд издалека, и среди членов клуба могли возникнуть непредвиденные настроения, даже нечто сродни кризису. В итоге мистеру Леверу удалось придумать план сокрытия, если не полного устранения позорного пятна на репутации отеля. Когда вы входите (чего, разумеется, не произойдет ни при каких условиях) в отель «Вернон», то попадаете в короткий коридор, украшенный потускневшими, но весьма ценными картинами, и ведущий в главный вестибюль и в зал для отдыха, где справа располагаются гостевые комнаты, а влево уходит другой коридор в сторону кухни и прочих подсобных помещений отеля. Еще левее, в самом углу, находится застекленная конторка, граничащая с залом отдыха, напоминающая, если можно так выразиться, дом внутри дома и очень похожая на обычный отельный бар, который, вероятно, здесь раньше и присутствовал.

В этой конторке должен был восседать представитель владельца (но обычно избегал этого всеми возможными способами), а позади конторки, уже на пути к предназначенной для прислуги части отеля, была устроена гардеробная для джентльменов – самый дальний предел, куда могли попасть гости. Как раз между застекленной конторкой и гардеробом помещалась крохотная проходная комнатка, порой используемая владельцем для деликатных и важных дел, для решения столь насущных вопросов, как одолжить ли очередному герцогу тысячу фунтов или отказаться ссудить хотя бы шестью пенсами. И не лучшее ли это доказательство несравненной терпимости мистера Левера, что он разрешил осквернить столь святое для себя место, разрешив на полчаса воспользоваться им простому священнику, который что-то там должен был накорябать на листке бумаги. История, которую записывал отец Браун, была, возможно, гораздо интереснее нашей истории, но только мы никогда этого не узнаем. Могу лишь заверить вас, что она оказалась почти столь же длинной, а ее заключительные абзацы стали как раз наименее волнующими и увлекательными.

Потому что, как только он дошел до них, священник позволил своим мыслям некоторую расслабленность, а его всегда такие острые животные инстинкты вновь проснулись. Темнело, приближалось время ужина, а поскольку в маленькой коморке не было лампочки, сгустившийся полумрак, как это иногда случается, обострил слух. И пока отец Браун дописывал последнюю и наименее важную часть документа, он поймал себя на ощущении, что пишет под повторяющийся ритмичный шум снаружи, подобно тому, как порой человек размышляет под стук колес поезда. Осознав это, отец Браун скоро понял, что именно ему слышалось: всего-навсего обычный звук шагов мимо двери, что в отеле воспринималось совершенно нормальным явлением. Но он тем не менее вскинул голову, глядя на потемневший потолок, и вслушался в звук. Несколько секунд он делал это машинально и рассеянно, но затем вдруг поднялся на ноги и стал слушать с напряженным вниманием, чуть склонив голову набок. Потом снова сел и прикрыл лицо ладонями, уже не только слушая, но и обдумывая услышанное.

Шаги, доносившиеся снаружи, в каждый отдельный момент звучали шагами, какие вы могли бы услышать в любом отеле, но, объединенные в единое целое, производили очень странное впечатление. Никаких других шагов не раздавалось. В отеле почти всегда царила тишина, потому что прибывшие гости сразу расходились по своим апартаментам, а вышколенную прислугу приучили быть невидимой и неслышимой до тех пор, пока она не становилась нужна. И все равно едва ли существовала причина считать, что происходит нечто, выходящее за привычные рамки. Вот только эти шаги казались настолько необычными, что их трудно было сразу отнести к разряду привычного или непривычного. Отец Браун проследил за ними, проводя

пальцем по краю стола, уподобившись человеку, который пытается разучить мелодию на пианино.

Сначала донеслась долгая серия поспешных легких шажков, подобных тем, какими очень худой легкоатлет выигрывает соревнования по спортивной ходьбе. В какой-то момент шажки замерли, а затем перешли в нечто вроде медленного, вразвалочку топота – число шагов сократилось на три четверти, но по времени они продолжались ровно столько же. Но как только затихало эхо последнего тяжелого шага, снова доносился легкий звук частых шажков, издаваемых торопливыми, почти бегущими ногами, опять сменяясь затем грузным размеренным топотом. Причем источником звуков была одна и та же пара обуви. Это становилось понятно, во-первых, потому, что никого больше там находиться попросту не могло, а во-вторых, потому, что ботинки издавали чуть слышный, но совершенно одинаковый характерный скрип. Голова отца Брауна была устроена так, что он всегда поневоле начинал задаваться вопросами, а от размышлений над столь, казалось бы, тривиальной проблемой голова святого отца буквально раскалывалась. Ему доводилось видеть, как люди разбегаются, чтобы прыгнуть. Он наблюдал разбег перед скольжением. Но зачем, во имя всего святого, кому-то нужно было разбежаться, а потом просто идти? А никакого другого определения для того, что вытворяли эти невидимые ноги, подобрать не удавалось. Человек либо очень быстро преодолевал первую часть коридора, чтобы спокойно пройти оставшийся путь, либо торопливо добегал до стены, а потом степенно возвращался к центру. Ни один из вариантов не имел разумного объяснения. В мозгу отца Брауна сгущался мрак, как сгущался он и в комнате.

Но стоило ему заставить себя мыслить более последовательно, как даже темнота в каморке, казалось, начала способствовать умственной работе. Он стал пытаться создавать нечто вроде визуальных образов этих немислимых ног, выделявавших в коридоре нечто неестественное или же символическое. Быть может, это какой-то варварский языческий танец? Или же принципиально новый тип разработанного наукой физического упражнения? Отец Браун принялся задавать сам себе более значимые и целенаправленные вопросы о том, что могли означать шаги. Взять для начала более тяжелые. Это точно не было походкой владельца отеля. Мужчины его типа ходили грузно и враскачку, но все же быстрее, хотя большую часть времени вообще проводили в удобных креслах. Не мог это быть слуга или посыльный, дождавшийся, чтобы ему вручили депешу. Звук не тот. Существа низшего порядка (в олигархической иерархии) иногда позволяют себе шалости в легком подпитии, но все же обычно, особенно попав в столь роскошную обстановку, предпочитают вести себя сдержанно и стоять на месте, чуть оробев. Нет. Подобный тяжелый, но в то же время пружинистый шаг, бездумный и беззаботный, не особенно шумный, но и не старающийся приглушить себя, мог принадлежать только одному типу живых организмов, населяющих Землю. Это был джентльмен из Западной Европы, которому, скорее всего, никогда не приходилось работать, чтобы добывать средства к существованию.

Как только отец Браун приобрел в этом достаточно прочную уверенность, шаги сменились на быстрые и пробежали мимо двери с лихорадочной поспешностью крысы. Слушатель отметил, что эти шаги были не только значительно проворнее, но и отличались еще и почти полной бесшумностью, словно человек двигался на цыпочках. Однако в уме отца Брауна они не ассоциировались со скрытностью, а наводили на какое-то другое сравнение – он только не мог вспомнить, на какое именно. Его привело в ярость это неполное воспоминание, от которого у него возникло ощущение, что и мозг функционирует не в полную силу. Ведь он определенно уже где-то слышал такие же странные, легкие и быстрые шажки. Внезапно он вскочил на ноги, осененный новой идеей, и подошел к двери. Его комнатка не имела прямого выхода в коридор. С одной стороны соседствовала застекленная контора, а с другой – гардеробная, находившаяся почти рядом с ней. Он потрогал ручку стеклянной комнаты, но дверь оказалась заперта. Затем посмотрел в окно, квадрат которого теперь полностью занимало пур-

пурное облако, окрашенное закатным солнцем, и в то же мгновение почуял зло, как собаки чуют запах крыс.

Рациональность в его мышлении (к лучшему то было или нет) одержала верх. Отец Браун вспомнил, что владелец запер его со стороны конторы, пообещав выпустить позже. Потом убедил себя, что у эксцентричных звуков снаружи может быть двадцать вполне внятных объяснений, не пришедших пока ему в голову. Вспомнил и о том, что у него оставалось еще совсем немного света, чтобы успеть закончить порученную ему работу. Положив лист на подоконник, чтобы воспользоваться последними лучами, падавшими в каморку с темневшего предгрозового неба, он решительно погрузился в завершающую стадию своих записей, которые близились к концу. Так он писал почти двадцать минут, склоняясь над листком все ниже по мере ухудшения освещения. Потом вдруг снова выпрямился. Странные шаги донеслись опять.

На этот раз в них присутствовала третья особенность. Прежде неизвестный мужчина двигался легко и быстро, почти бежал, но все-таки это скорее была поспешная ходьба. Сейчас он действительно перешел на настоящий бег. Были слышны торопливые мягкие прикосновения ступней к полу вдоль коридора, похожие на звуки, издаваемые убегающей от врага пантеры, готовой к прыжку. Кем бы ни оказался этот человек, он был силен, активен и до крайности возбужден. И все же стоило ему миновать контору, промчавшись мимо нее с шелестом легкого вихря, как поступь снова сменилась на медленный и тяжелый топот.

Отец Браун оставил свою бумагу и, зная, что дверь офиса заперта, сразу пошел в гардеробную с тыльной ее части. Гардеробщик там отсутствовал. Вероятно, временно. Обед единственных гостей отеля был в самом разгаре, и делать ему было нечего. Пробравшись через серый лес пальто и плащей, отец Браун обнаружил, что из темной гардеробной можно попасть в ярко освещенный коридор через половину двери, изготовленной в виде стойки, такой же, на которые мы, например, кладем свою верхнюю одежду и зонты в любом театре, получая взамен номерки. Яркая люстра была подвешена прямо над полукруглым незакрытым проемом двери, но она почти не бросала света на самого отца Брауна, который представлялся сейчас со стороны, должно быть, лишь темным силуэтом на фоне расположенного у него за спиной окна с догоравшим закатом. Зато светильник с яркостью театрального софита заливал сиянием мужчину, стоявшего в коридоре перед гардеробной.

Он был элегантен даже в самого простого покроя вечернем костюме: высокий, но при этом занимавший не слишком много пространства. Создавалось ощущение, что такой мог бы проскользнуть незамеченным, как тень, там, где даже более мелкие и низкорослые мужчины бросились бы в глаза любому. Его лицо при хорошей подсветке выглядело смуглым и жизнерадостным. Лицо иностранца. Он был прекрасно сложен, а держался с налетом легкого юмора и уверенностью в себе. Впрочем, более придирчивый наблюдатель отметил бы, что его черный фрак выглядел чуть дешевле, чем пристало мужчине с такой фигурой и манерами – он даже местами сидел мешковато, а на груди странным образом топорщился. Как только он заметил темный силуэт отца Брауна на фоне заката, то сунул ему в руку бумажку с напечатанным на ней номером и произнес с дружелюбной властью:

– Выдайте мне мои пальто и шляпу, пожалуйста. Обнаружилось, что мне необходимо срочно уйти.

Отец Браун безмолвно взял номерок и покорно отправился искать пальто; ему не впервой было заниматься чужой работой – приходилось в жизни брать на себя и более трудные обязанности других людей. Он принес пальто и положил его поверх стойки. Между тем странный джентльмен, порывшись по карманам жилета, со смехом сказал:

– У меня нет при себе серебра. Возьмите вот это.

И он бросил золотую монету в полсоверена, взявшись за свое пальто.

Фигура отца Брауна оставалась погруженной во мрак и неподвижной, но в этот момент он потерял голову. А его голова представляла особую ценность, именно когда он терял ее. В такие

моменты, сложив два и два, он получал в ответе миллион. Католическая церковь (которая вся основана на здравом смысле) очень часто не одобряла этого. Бывало, что этого не одобрял он сам. Но на него накатило редкое вдохновение – столь важное в минуты подлинных кризисов – и то самое, из-за чего он рисковал лишиться головы, спасло ее.

– Думаю, сэр, – произнес он очень вежливо, – что у вас в одном из карманов найдется немало серебра.

Высокий джентльмен уставился на него.

– Бросьте, – воскликнул он. – Если я предпочитаю дать вам на чай золото, с чего вам жаловаться?

– Потому что серебро порой гораздо ценнее золота, – тихо ответил священник. – В тех случаях, когда серебра много.

Незнакомец с интересом посмотрел на него. А затем с еще большим любопытством бросил взгляд в сторону входной двери. После чего вновь повернулся в сторону отца Брауна, но с особым вниманием взгляделся в окно за его спиной, по-прежнему окрашенное багряными отсветами заката, когда грозовая туча прошла мимо. Потом он принял решение. Опершись на стойку, он с легкостью акробата перемахнул через нее и встал рядом со святым отцом, возвышаясь над ним башней и ухватив одной огромной рукой за ворот.

– Стойте тихо, – сказал он отрывистым шепотом. – Не хочу угрожать вам, но...

– Зато я хочу пригрозить вам, – голос отца Брауна звучал как дребезжащий барабан. – Я хочу пригрозить вам тем местом, где червь грешников не умирает и огонь не угасает¹⁴.

– Какой-то вы странный гардеробщик, – сказал мужчина.

– Я – священник, мсье Фламбо, – отозвался Браун, – и готов вас исповедовать.

Его собеседник какое-то время стоял молча, пытаясь ловить ртом воздух, потом попятился и упал в кресло.

Две первые перемены блюд за ужином членов клуба «Двенадцать лучших рыболовов» имели умеренный успех. У меня нет копии меню, но даже если бы я ее имел, то не смог бы никому ничего сообщить. Оно было написано на том псевдофранцузском языке, который используют повара, но не разбирают даже сами французы. В клубе сложилась традиция, что закуски подавались разнообразные и многочисленные до умопомрачения. К ним относились серьезно, поскольку они были столь же излишни, чрезмерны и бессмысленны, как и весь обед, как и само по себе существование клуба. Другая традиция заключалась в том, чтобы суп готовили легкий и без претензий – простота и строгость вкуса служили прелюдией к настоящему рыбному пиршеству, которое следовало потом. Застольный разговор звучал как привычная пустая болтовня, с помощью которой и управляют Британской империей, управляют вроде бы в глубокой тайне, но если бы простой англичанин подслушал ее, то не узнал бы для себя ничего нового. То и дело членов кабинета министров от обеих правящих партий фамильярно называли просто по именам, отзываясь о них со скучной благосклонностью. Канцлер казначейства, представитель радикальной партии, которого сторонники тори должны были бы клеймить за грабительские налоги, удостоивался похвалы за написанные на досуге легкие стишата, как высоко ценили выбор им для себя охотничьего седла. Лидер тори, кого каждый либерал обязан был ненавидеть как тирана, подвергся обсуждению и в целом получил положительную характеристику... истинного либерала. Складывалось впечатление, что, по мнению членов клуба, политические деятели были очень важны, но важным в них находили все, кроме непосредственно самой политики, которую они проводили. Мистер Одли, председатель, являл собой добродушного пожилого человека, все еще носившего воротнички по моде эпохи Гладстона. Одли вполне мог служить своего рода символом этого иллюзорного, но вполне устоявшегося

---

¹⁴ Отец Браун угрожал мсье Фламбо адскими муками, цитируя Евангелие от Марка, 9,44.

клуба. Он никогда и ничего не делал и потому не совершил в жизни ни единой ошибки. Его не отличали ни особая сообразительность, ни даже богатство. Просто повезло попасть в нужную струю, вот и все. Ни одна партия не могла не считаться с ним. Если бы он пожелал стать министром, то, несомненно, стал бы членом кабинета. А вот герцог Честерский, вице-президент, как раз был молодой и только восходящей звездой политики. За этим определением стояла приятная внешность юноши с прилизанными светлыми волосами, веснушчатым лицом, скромными умственными способностями и огромными земельными владениями. Его появления на публике приносили неизменный успех, хотя способ добиться популярности был предельно прост. Если ему приходила в голову шутка, он шутил, не задумываясь, и прослыл блестящим остроумцем. Когда же шутка не рождалась, он заявлял, что сейчас не время размениваться на пустяки, и его считали серьезным политиком. А в интимной обстановке клуба, среди своих, он становился просто до неприличия откровенным и глупеньким, как школьник. Мистер Одли, никогда не занимавшийся политикой сам, относился к ней серьезнее всех. Порой он ставил своими фразами в неловкое положение всю компанию, когда, например, высказывал предположение, что существует некая разница между либералами и консерваторами. Сам он считал себя консерватором, причем даже в личной жизни. Седые волосы волнами ниспадали на заднюю часть воротника, как у несколько старомодного государственного деятеля, и со спины он казался именно тем человеком, в котором так нуждается империя. Зато при взгляде спереди выглядел мягкотелым, избалованным, чревоугодливым холостяком с комнатами в «Олбани»¹⁵, кем и был на самом деле.

Как уже отмечалось, за столом на террасе могли сесть к ужину двадцать четыре человека, но членов клуба насчитывалось всего двенадцать. А потому они имели возможность расположиться за ним самым комфортабельным образом, занимая только одну сторону стола, чтобы никто не сидел напротив, заслоняя вид на бесподобный сад, все еще игравший живыми красками, хотя вечер сегодня наступил несколько раньше, чем обычно для такого времени года. Председатель сидел в центре, а вице-президент – на самом правом краю общей линии ужинавших. Когда двенадцать гостей впервые входили на террасу и начинали занимать свои места, стало традицией (по опять-таки неясным причинам), чтобы все пятнадцать официантов выстроились вдоль стены, уподобляясь солдатам королевского почетного караула, в то время как толстяк – хозяин отеля встречал каждого поклоном, сияя радостным удивлением, словно видел их всех впервые в жизни. Однако еще до того, как раздавался первый звон вилок и ножей о тарелки, вся эта армия obsługi исчезала, и оставались только два, а порой и вовсе всего один официант, чего вполне хватало, чтобы проворно подносить и убирать блюда, не произнося при этом ни слова.

Сам мистер Левер, хозяин, уходил задолго до этого, извиваясь в конвульсиях вежливости. И было бы преувеличением, несколько даже неуважительным по отношению к нему, утверждать, что за весь вечер он хотя бы раз появлялся среди гостей снова. Лишь только когда самое главное блюдо ужина – рыбное, разумеется, – подавалось к столу, создавалось впечатление, что (даже не знаю, как это лучше описать) его незримая тень, некая проекция его фигуры мелькала рядом, давая ощутить всем его эфемерное присутствие при сем торжественном моменте. Священное рыбное блюдо являло собой (на вульгарный взгляд простолюдина) нечто вроде чудовищного пудинга размерами со свадебный торт, кулинарного монстра, где огромное количество разнообразных и примечательных рыбин окончательно теряли формы, которыми наградил их Бог. Двенадцать лучших рыбаков брались за свои знаменитые ножи и вилки, относясь к каждому дюймовому кусочку этого пудинга настолько бережно и серьезно, словно он стоил не меньше той серебряной вилки, с помощью которой его поедали. Хотя, насколько мне

---

¹⁵ «Олбани» – знаменитый особняк XVIII века на Пикадилли в Лондоне, который с 1802 года домовладелец разделил на роскошные апартаменты для одиноких обеспеченных мужчин.

известно, так оно примерно и выходило. С этим блюдом гости расправлялись с аппетитом и в почтительном молчании, и только когда тарелка молодого герцога оказалась почти пуста, он отпустил очередную ритуальную реплику:

– Такое умеют готовить только здесь.

– И нигде больше, – поддержал его мистер Одли своим глубоким басом, поворачиваясь к оратору и несколько раз утвердительно кивая в знак одобрения его слов. – Нигде, уверяю вас, кроме как здесь. Некоторые утверждают, что в кафе «Англэ»...

На этом его перебили и даже на мгновение возмутили, убрав пустую тарелку, но он сумел не упустить нить своей ценнейшей мысли и снова ухватиться за нее.

– Некоторые утверждают, что в кафе «Англэ» способны изготовить нечто подобное. Ничего похожего, сэр, – произнес он тоном судьи, выносящего смертный приговор. – Ничего похожего на это.

– И вообще, то кафе имеет чересчур раздутую репутацию, – заявил полковник Паунд, который (как могло показаться по его виду) произнес первые слова после нескольких месяцев молчания.

– О, право, не знаю, – возразил ему вечный оптимист герцог Честерский. – Там неплохо готовят кое-какие другие блюда. Например, подают несравненный...

На террасу неслышно вошел официант и вдруг встал как вкопанный. Остановился он так же тихо, как и ходил, но все сидевшие за столом почтенные и утонченные джентльмены настолько привыкли к непрерывной и гладкой работе того механизма, который их окружал и обеспечивал плавное течение жизни, что официант, сделавший нечто неожиданное, поистине удивил и поверг их в шок. Они почувствовали себя так же, как мы с вами, если бы нам неожиданно перестал подчиняться мир неодушевленных предметов – к примеру, взял и убежал какой-нибудь стул.

Официант постоял, глядя куда-то, несколько секунд, а между тем на каждом лице за столом постепенно появлялось странное стыдливое выражение, которое целиком является продуктом нашей эпохи. Это комбинация новомодного гуманизма с современной разновидностью прежней пропасти, которая разделяет души богатых и бедных людей. Истинный аристократ старой закалки начал бы швыряться в официанта чем ни попадя, начав, возможно, с пустых бутылок, а закончив, по всей вероятности, все же деньгами. Истинный демократ спросил бы его, стараясь по-товарищески упростить свою речь, какого дьявола он творит. Но эти нынешние плутократы не терпели присутствия бедного человека поблизости от себя ни в роли раба, ни в качестве друга. Если у слуги пошло что-то не так, это лишь создавало ощущение тоскливой, но острой неловкости. Они не хотели проявлять грубость, но ужасались при мысли о необходимости в снисходительности. Они желали, чтобы все просто и как можно скорее закончилось. И все закончилось. Официант, постояв несколько секунд застывшим, словно в припадке каталепсии, развернулся и как обезумевший бросился вон из помещения.

Когда он снова появился на террасе или, скорее, на пороге, его сопровождал другой официант; они перешептывались и обменивались жестами с чисто южным темпераментом. Затем первый официант удалился, оставив второго на месте, и вернулся с третьим. К тому времени, когда к взволнованному синоду obsługi присоединился четвертый официант, мистер Одли ощутил необходимость нарушить молчание в интересах Такта. Вместо президентского молотка он прибегнул к долгому кашлю, а потом сказал:

– Потрясающе справляется со своими обязанностями в Бирме молодой Мучер. Скажу прямо, ни одна другая нация в мире не смогла бы...

Пятый официант стрелой подлетел к нему и прошептал на ухо:

– Прошу извинить. Очень важный! Не мог бы хозяин говорить с вами?

Председатель растерянно повернулся и в смятении увидел мистера Левера, приближавшегося к столу с неуклюжей стремительностью. Быстрота движений, свойственная любому

хорошему хозяину, выглядела обычной, но вот выражение его лица назвать обычным было никак невозможно. Как и цвет. Обычно физиономия Левра имела приятный медно-коричневый оттенок, а сейчас она болезненно пожелтела.

– Простить меня, мистер Одли, – сказал он, задыхаясь как астматик. – Но я в большая тревога. Ваши тарелки из-под рыба уносить с ножами и вилками на них?

– Да, полагаю, так оно и было, – ответил председатель вполне добродушно.

– Вы видеть его? – все еще не отдышавшись, спросил владделец отеля. – Вы видеть здесь официанта, который все уносить? Вы знаете его?

– Знаю ли я официанта? – переспросил мистер Одли теперь уже возмущенно. – Нет, разумеется!

Мистер Левр развел руки в стороны жестом, исполненным отчаяния.

– Я сам не посылать его, – сказал он. – Даже не знаю, когда и почему он здесь появляться. Я послал своего официанта забрать тарелки, но он видеть, что их уже нет.

Мистер Одли в своем изумлении едва ли выглядел сейчас именно тем человеком, в котором так нуждается империя. И никто из всей компании не мог вымолвить ни слова, за исключением мужчины из дерева – полковника Паунда, – которого словно гальванизировали и неожиданно заставили ожить. Он скованно поднялся в своем кресле, пока остальные оставались сидеть, вставил в глаз монокль и заговорил так пронзительно, словно уже успел забыть, как разговаривают нормальные люди.

– Вы имеете в виду, – спросил он, – что кто-то украл наши серебряные приборы для рыбы?

Хозяин повторно развел руки в стороны, но вложил в жест еще большую беспомощность, и в одно мгновение все, кто сидел за столом, вскочили на ноги.

– Все ваши официанты здесь? – потребовал ответа полковник своим низким и сиплым тоном.

– Да, все здесь. Я сам это заметил, – воскликнул молодой герцог, высовывая свое мальчишеское лицо сквозь кольцо столпившихся людей. – Я всегда пересчитываю их, когда вхожу сюда. Так забавно видеть их строй вдоль стены!

– Но едва ли кто-то из нас может знать это точно, – сказал мистер Одли с оттенком глубокого сомнения в голосе.

– Говорю же вам, я знаю точно! – возбужденно воскликнул герцог. – Здесь никогда не было больше пятнадцати официантов, и сегодня их было тоже пятнадцать – ни больше ни меньше.

Хозяин повернулся к нему, трепеща от осязательного удивления.

– Вы говорите... Вы говорите, – начал заикаться он, – что вы видеть все мои пятнадцать официант?

– Да, как обычно, – подтвердил герцог. – А что здесь не так?

– Все не так, – Левр говорил со все более заметным иностранным акцентом. – Вы не мог видеть пятнадцать. Потому что один совсем мертвый. Лежать наверху.

На мгновение в комнате воцарилась полнейшая тишина. Быть может (таков уж сверхъестественный эффект самого по себе слова «смерть»), каждый из этих привыкших к праздности людей заглянул на секунду к себе в душу и увидел, что это всего лишь крохотная высохшая горошина. Один из них – полагаю, это был герцог, – даже сказал с идиотской добротой, свойственной порой богачам:

– Мы можем чем-то вам помочь?

– У него побывать священник, – заметил хозяин, ничуть не растроганный предложением помощи.

Затем, словно грянул гром Судного дня, каждый осознал ситуацию, в которой они оказались. На какое-то короткое время они могли бы даже поверить, что пятнадцатый официант

мог быть призраком мертвеца, лежавшего наверху. И тяжкий груз подобной мысли заставил их застыть в онемении, потому что привидения вызывали у них такое же чувство неловкости, как вид нищего на улице. Однако воспоминание о вполне реальном серебре разрушило заклятие воображаемого чуда, разрушило резко и грубо. Полковник перепрыгнул через кресло и направился к двери.

– Если здесь присутствовал пятнадцатый официант, друзья мои, – сказал он, – то именно он и был вором. Скорее вниз. Нужно запереть парадную и заднюю двери. А потом поговорим. Двадцать четыре клубных жемчужины стоят того, чтобы попытаться их вернуть.

Поначалу мистер Одли колебался, достойно ли джентльмена суетиться подобным образом по любому, даже самому важному поводу. Но увидев, как вниз по лестнице сбегает полный молодого задора герцог, он двинулся вслед, хотя и более солидной походкой.

В тот же момент показался шестой официант, сообщивший, что обнаружил грудку рыбных тарелок на стойке в кухне, но серебро исчезло бесследно.

Толпа, состоявшая из гостей и обслуживающего персонала, беспорядочно сгрудившаяся в коридоре, теперь разделилась на две группы. Большинство рыболовов отправились вместе с хозяином в сторону вестибюля, чтобы выяснить, не покидал ли кто-нибудь здание отеля. Полковник Паунд, председатель, вице-президент и еще несколько человек бросились по коридору в сторону служебных помещений, представлявшихся более вероятным маршрутом бегства грабителя. По пути они миновали затемненный и похожий на пещеру альков гардеробной, внутри которого заметили низкорослую, одетую в черное фигуру, стоявшую глубже в тени – вероятно, это был гардеробщик.

– Эй, вы там! – окликнул его герцог. – Не видели случайно, чтобы кто-то прошел мимо вас?

Приземистая фигура не ответила на вопрос прямо, а просто сказала:

– Возможно, то, что вы ищете, находится у меня, джентльмены.

Они остановились, покачиваясь и приходя в себя от изумления, а человек тихо отправился в глубь гардеробной и вернулся, держа в обеих руках грудку сверкавшего серебра, которую выложил на стойку со спокойствием приказчика в магазине. Это были две дюжины причудливой формы вилок и ножей.

– Вы... Вы... – начал полковник, окончательно выведенный из равновесия.

Но затем он внимательнее взгляделся в сумрак маленькой комнатки и обратил внимание на две детали: во-первых, на низкорослом человеке в черном была сутана священника, а во-вторых, окно у него за спиной оказалось выбито, словно кто-то силой проложил себе через него путь наружу.

– Слишком ценные вещи, чтобы сдавать в гардеробную, верно? – заметил священник с дружелюбной улыбкой.

– Вы... Это вы украли наши приборы? – заикаясь и вытаращив глаза, спросил мистер Одли.

– Даже если я, – ответил святой отец тем же приятным тоном, – то я же вам их и возвращаю.

– Но ведь вы их не крали, – сказал полковник Паунд, все еще не сводя глаз с разбитого окна.

– Чтобы внести полную ясность: я этого не делал, – отозвался его собеседник, словно видел в ситуации забавную сторону, и с важным видом уселся на высокий стул.

– Но вы знаете вора? – спросил полковник.

– Не могу назвать вам его подлинное имя, – спокойно сказал священник, – но мне довелось понять, насколько он силен в драке, хотя еще больше я успел узнать о его духовных проблемах. Первое я сумел оценить, когда он попытался задушить меня, а моральную сторону постиг после того, как он раскаялся.

– Раскаялся? Ну, ничего себе! – воскликнул молодой герцог Честерский и рассмеялся каркающим смехом.

Отец Браун поднялся со стула и заложил руки за спину.

– Странно, не правда ли, – заметил он, – что вор и бродяга может раскаяться, в то время как столь многие, живущие в богатстве и комфорте, остаются черствыми душой и ведут себе фривольно, не принося пользы ни Богу, ни людям? Впрочем, извините меня, но здесь вы невольно вторгаетесь в мою сферу деятельности. И если вы сомневаетесь в покаянии как в свершившемся факте, то перед вами, по крайней мере, ваши ножи и вилки. Вы – двенадцать лучших рыболовов, и вот они – ваши серебряные рыбки. Меня же Он сделал рыбаком, чей улов – человеческие души.

– Так вы поймали этого человека? – поинтересовался полковник, нахмурившись.

Отец Браун посмотрел прямо в его мрачное лицо.

– Да, – ответил он. – Я поймал его на невидимый крючок с помощью невидимой лески, которая достаточно длинна, чтобы позволить ему отправиться в самый отдаленный уголок мира, но в любой момент его можно вернуть, стоит лишь подтянуть леску.

Наступило продолжительное молчание. Постепенно все разошлись, чтобы показать найденное серебро своим товарищам или обсудить с хозяином все это странное дело. Но угрюмый полковник остался, присев боком на стойку гардеробной, покачивая своими длинными художавыми ногами и покусывая кончики темных усов.

Потом он негромко обратился к священнику:

– Думаю, вор был человеком большого ума, но, как мне кажется, я знаю кое-кого и поумнее.

– Да, он умен, – отозвался священник, – но я не совсем понял, кто тот второй человек, о котором вы упомянули.

– Вы сами, конечно, – сказал полковник и коротко рассмеялся. – Расслабьтесь, я вовсе не хочу усадить этого типа в тюрьму. Но я бы охотно отдал несколько серебряных вилок, чтобы узнать, как именно вы напали на след в этом деле и каким образом заставили его бросить похищенное. Сдается мне, вы самый большой хитрец во всей собравшейся здесь сегодня компании.

Отцу Брауну пришлось по душе мрачная солдатская прямота полковника.

– Что ж, – сказал он с улыбкой, – я, разумеется, не имею права называть вам имя этого человека или делиться подробностями истории его жизни. Но не вижу причин, мешающих рассказать о фактах этого дела, которые мне удалось установить.

С неожиданным проворством он вскочил на барьер и уселся рядом с полковником, болтая короткими ножками, как мальчишка, взобравшийся на забор. И начал рассказывать свою историю с такой легкостью, словно делился ею со старым другом, сидя перед камином в канун Рождества.

– Понимаете, полковник, – сказал он, – я оказался в небольшой комнатухе, где делал необходимые мне записи, когда услышал из коридора звук ног, танцевавших не менее странный танец, чем сам танец смерти. Сначала это были забавные легкие и поспешные шажки, словно человек крался на цыпочках с определенной целью. А затем они перешли в медленную, грузную походку солидного человека, курящего дорогую сигару. Но оба звука производила одна и та же пара ног, в этом я готов был поклясться, и происходило постоянное чередование. Быстрая, чуть слышная ходьба, похожая на бег, потом размеренные шаги, а потом снова бег, и так много раз. Сначала из чистого любопытства, а потом уже действительно озадаченный я стал размышлять, для чего человеку понадобилось играть две разные роли поочередно. Одна походка была мне хорошо знакома. Так ходите, например, вы сами, полковник. Прогуливающийся шаг состоятельного джентльмена, который чего-то дожидается, расхаживающего просто активности ради, а не в нетерпеливой тревоге. И вторая походка мне тоже прежде встречалась, но я никак не мог вспомнить, где именно. Какое живое существо встречалось на моем жиз-

ненном пути, столь торопливо пробежавшее на цыпочках, что это звучало более чем странно? А потом откуда-то донеслось звяканье посуды, и ответ встал передо мной так же непоколебимо, как стоит собор Святого Петра. Это походка официанта, когда человек идет быстро, чуть наклонившись вперед, устремив глаза вниз, ступая всей тяжестью на большие пальцы ног, фалды фрака развеваются, трепещут салфетки на подносе. Затем я потратил на раздумья еще ровно полторы минуты и понял, как совершается преступление, будто совершал его сам.

Полковник Паунд с жадным интересом смотрел на него, но добрые серые глаза рассказчика были уставлены в потолок с каким-то смутным томлением.

– Преступление, – медленно продолжал он, – подобно любому другому произведению искусства. Не надо так удивляться! Преступления далеко не единственные художественные произведения, которые изготавливаются в мастерской дьявола. Но любое произведение искусства, божественное или демоническое, несет на себе одну неприменную отметину. А именно: его смысл в сущности прост, какими бы сложностями ни сопровождался акт творчества, есть единственный центр повествования. Возьмем, к примеру, историю Гамлета. Гротескная фигура могильщика, цветы сошедшей с ума девушки, лицемерные уловки Озрика, бледность призрака и оскал черепа в улыбке – все эти запутанные детали так или иначе завязаны вокруг одной трагической фигуры человека в черном. Могу теперь утверждать, – продолжал он, сползая со стойки, – что и сегодняшняя трагедия стала трагедией человека в черном. Да, так и есть, – поспешно добавил он, заметив удивление в глазах полковника, – центром всей истории стал черный костюм. В данном случае, как и в «Гамлете», сюжет украшен замысловатыми завитушками. К их числу, между прочим, относитесь и вы сами. Перед вами появляется мертвый официант, который никак не мог появиться. Невидимая рука сметает со стола ваше серебро и растворяется в воздухе. Но каждое умное преступление в конечном счете основано на единственном и очень простом действии, в котором нет уже ничего таинственного или мистического. Мистификация нужна лишь для сокрытия преступления, для того, чтобы отвлечь от него внимание и мысли людей. Данное тонкое, но крупное и (в привычном смысле слова) выгодное для грабителя преступление основывалось на том простом факте, что вечерний костюм джентльмена практически неотличим от костюма официанта. Все остальное – чисто актерская игра, пусть и очень хорошая.

– И все равно, – признался полковник, тоже вставая и разглядывая носы своих ботинок, – не уверен, что понял все.

– Суть в том, полковник, – сказал отец Браун, – что архангел дерзости, укравший ваше серебро, прошел по этому коридору двадцать раз при ярком свете ламп и на глазах у всех. Он не таился в темных углах, где вызывал бы неизбежные подозрения. Напротив, он постоянно перемещался по освещенному коридору, и в какой бы его части ни оказался, создавалось впечатление, что он находится там с полным на то основанием. А потому не спрашивайте меня, как он выглядел, поскольку вы сами видели его этим вечером шесть или семь раз. Вы вместе с остальными членами вашей великосветской компании собрались в одном конце коридора перед входом на террасу. И когда он проходил мимо вас, джентльмены, он делал это в торопливом стиле официанта: голова наклонена, через руку салфетка, быстрая и легкая поступь. Он вбегал на террасу, расправлял, допустим, складку на скатерти, а потом устремлялся назад в помещение для прислуги. Но к моменту, когда он оказывался на глазах распорядителя и других официантов, он превращался в совершенно иного человека, меняясь в каждом дюйме своего облика, в каждом вроде бы инстинктивном жесте. Он расхаживал среди obsługi с рассеянной наглостью, которую официанты так привыкли наблюдать в манерах своих богатых клиентов. Их не удивляло, что один из гостей желает пройтись по всему отелю, словно зверь по своему вольеру в зоопарке. Они привыкли, что одна из ярчайших примет принадлежности к привилегированному классу состоит в привычке разгуливать где заблагорассудится. И когда ему надоедало величественное шествие по той части коридора, он разворачивался и устремлялся в

противоположный его конец, причем где-то как раз рядом с гардеробной он магическим образом менял облик и спешил оказаться среди двенадцати рыболовов в качестве угодливого слуги. С какой стати джентльменам обращать внимание на одного из официантов? И почему официанты должны относиться подозрительно к солидному джентльмену с величавой походкой и светскими манерами? Пару раз он даже решился на весьма рискованные трюки. Вошел в личный кабинет хозяина и небрежно попросил у распорядителя сифон с содовой водой – якобы ему захотелось пить. Причем добродушно согласился сам отнести его к столу, что и сделал. Уже под видом официанта пронес сифон на террасу мимо всех вас. А что? Официант выполняет обычное для себя поручение, только и всего. Разумеется, это не могло длиться вечно, но ему и нужно было всего лишь дожидаться подачи рыбного блюда.

Отец Браун сделал паузу, чтобы перевести дух.

– Самым опасным моментом стало для него построение официантов вдоль стены, когда на террасу входили гости, но и тогда он ухитрился расположиться у самого угла таким образом, что в это важнейшее из мгновений официанты приняли его за одного из гостей, а гости за одного из официантов. Затем все пошло как по маслу. Если официант заставлял его вдали от стола, то видел перед собой гордого аристократа. Ему нужно было уложиться ровно в две минуты, прежде чем реальный официант явился бы, что убрать со стола пустые рыбные тарелки, а потому он превратился в очень проворного слугу, чтобы успеть убрать их раньше. Тарелки он поставил на стойку, а серебро рассовал по карманам под фраком, от чего тот стал странным образом топорщиться на нем, а потом бросился бегом (я расслышал и это), пока не нашел гардеробную. Здесь ему снова пришлось разыграть из себя плутократа, которого срочно вызвали по делам. Ему оставалось только протянуть гардеробщику бумажку-номерок и изящной походкой покинуть отель, как он в него и вошел. Но вот беда – на месте гардеробщика оказался я.

– Как же вы с ним поступили? – воскликнул полковник с необычным напряжением в голосе. – И что он вам успел рассказать?

– Прошу прощения, – сказал священник невозмутимо, – но на этом моя история заканчивается.

– Но начинается самое интересное, – пробормотал Паунд. – Думаю, я понял его профессиональный трюк. Но для меня остался непостижимым ваш.

– Мне пора идти, – сказал отец Браун.

Они вместе добрались до входа на террасу, где увидели ясноглазое веснушчатое лицо герцога Честерского, шедшего с радостной улыбкой им навстречу.

– Идемте, Паунд! – воскликнул он. – Я повсюду разыскивал вас. Ужин продолжается с прежним блеском. Одли готовится произнести спич в ознаменование чудесного спасения серебряных приборов. Мы хотим создать новую традицию, знаете ли, каждый год празднуя такое выдающееся событие. Мы ведь вернули наше сокровище, что скажете?

– Скажу, – ответил полковник, глядя на юнца с несколько сардонической усмешкой, – что сам готов ввести новую традицию. Предлагаю отныне являться к обеду не в черных фраках, а в зеленых. Кто знает, какие еще недоразумения могут возникнуть, когда ты выглядишь так похоже на официанта.

– Да бросьте! – легкомысленно отмахнулся молодой человек. – Джентльмена никто и никогда не примет за официанта.

– Как и официанта за джентльмена, я полагаю, – добавил полковник с тем же саркастическим выражением на лице. – Вашему другу, святой отец, должно быть, нелегко далась роль джентльмена?

Отец Браун застегнул пуговицы на своем простеньком пальто до самой шеи, поскольку гроза на улице все-таки разыгралась, и вынул из стойки старый зонт.

– Верно, – сказал он, – это, вероятно, очень трудно – официанту изобразить из себя джентльмена. Но, чтобы вы знали, еще труднее джентльмену изобразить официанта. Вам так не кажется?

Отец Браун попрощался и вышел через громоздкие двери этого дворца наслаждений. Золотые ворота закрылись за его спиной, и он быстрыми шагами поспешил по мокрому тротуару в поисках остановки однопенсового омнибуса.

Летучие звезды¹⁶

«Мое самое красивое преступление, – любил рассказывать Фламбо в годы своей добродетельной старости, – было, по странному стечению обстоятельств, и моим последним преступлением. Я совершил его на Рождество. Как настоящий артист своего дела, я всегда старался, чтобы преступление гармонировало с определенным временем года или с пейзажем, и подыскивал для него, словно для скульптурной группы, подходящий сад или обрыв. Так, например, английских сквайров уместнее всего надувать в длинных комнатах, где стены обшиты дубовыми панелями, а богатых евреев, наоборот, лучше оставлять без гроша среди огней и пышных драпировок кафе «Риц». Если, например, в Англии у меня возникало желание избавить настоятеля собора от бремени земного имущества (что гораздо труднее, чем кажется), мне хотелось видеть свою жертву обрамленной, если можно так сказать, зелеными газонами и серыми колокольнями старинного городка. Точно так же во Франции, изымая некоторую сумму у богатого и жадного крестьянина (что почти невозможно), я испытывал удовлетворение, если видел его негодующую физиономию на фоне серого ряда аккуратно подстриженных тополей или величавых галльских равнин, которые так прекрасно живописал великий Милле¹⁷.

Так вот, моим последним преступлением было рождественское преступление, веселое, уютное английское преступление среднего достатка – преступление в духе Чарльза Диккенса¹⁸. Я совершил его в одном хорошем старинном доме близ Путни¹⁹, в доме с полукруглым подъездом для экипажей, в доме с конюшней, в доме с названием, которое значилось на обоих воротах, в доме с неизменной араукарией... Впрочем, довольно, – вы уже представляете себе, что это был за дом. Ей-богу, я тогда очень смело и вполне литературно воспроизвел диккенсовский стиль. Даже жалко, что в тот самый вечер я раскаялся и решил покончить с прежней жизнью».

И Фламбо начинал рассказывать всю эту историю изнутри, с точки зрения одного из героев; но даже с этой точки зрения она казалась по меньшей мере странной. С точки же зрения стороннего наблюдателя история эта представлялась просто непостижимой, а именно с этой точки зрения и должен ознакомиться с нею читатель.

Это произошло на второй день Рождества. Началом всех событий можно считать тот момент, когда двери дома отворились и молоденькая девушка с куском хлеба в руках вышла в сад, где росла араукария, покормить птиц. У девушки было хорошенькое личико и решительные карие глаза; о фигуре ее судить мы не можем – с ног до головы она была так укутана в коричневый мех, что трудно было сказать, где кончается лохматый воротник и начинаются пушистые волосы. Если б не милое личико, ее можно было бы принять за неуклюжего медвежонка.

Освещение зимнего дня приобретало все более красноватый оттенок по мере того, как близился вечер, и рубиновые отсветы на обнаженных клумбах казались призраками увядших роз. С одной стороны к дому примыкала конюшня, с другой начиналась аллея, вернее, галерея из сплетающихся вверху лавровых деревьев, которая уводила в большой сад за домом. Юная девушка накрошила птицам хлеб (в четвертый или пятый раз за день, потому что его съедала собака) и, чтобы не мешать птичьему пиршеству, пошла по лавровой аллее в сад, где мерцали листья вечнозеленых деревьев. Здесь она вскрикнула от изумления – искреннего или притвор-

---

¹⁶ © Перевод. И. Бернштейн, наследники, 2022

¹⁷ Милле Жан Франсуа (1814–1875) – французский живописец, член «Братства прерафаэлитов». – Здесь и далее примеч. пер.

¹⁸ ...в духе Чарльза Диккенса. – Речь идет о «Рождественских рассказах» Ч. Диккенса (1812–1871).

¹⁹ Путни – южный пригород Лондона.

ного, неизвестно, – ибо, подняв глаза, увидела, что на высоком заборе, словно наездник на коне, в фантастической позе сидит фантастическая фигура.

– Ой, только не прыгайте, мистер Крук! – воскликнула девушка в тревоге. – Здесь очень высоко.

Человек, оседлавший забор, точно крылатого коня, был долговязым, угловатым юношей с темными волосами, с лицом умным и интеллигентным, но совсем не по-английски бледным, даже бескровным. Бледность эту особенно подчеркивал красный галстук вызывающе яркого оттенка – единственная явно обдуманная деталь его костюма. Он не внял мольбе девушки и, рискуя переломать себе ноги, прыгнул на землю с легкостью кузнечика.

– По-моему, судьбе угодно было, чтобы я стал вором и лазил в чужие дома и сады, – спокойно объявил он, очутившись рядом с нею. – И так бы, без сомнения, и случилось, не родился я в этом милом доме по соседству с вами. Впрочем, ничего дурного я в этом не вижу.

– Как вы можете так говорить? – с укором воскликнула девушка.

– Понимаете ли, если родился не по ту сторону забора, где тебе требуется, по-моему, ты вправе через него перелезть.

– Вот уж никогда не знаешь, что вы сейчас скажете или сделаете.

– Я и сам частенько не знаю, – ответил мистер Крук. – Во всяком случае, сейчас я как раз по ту сторону забора, где мне и следует быть.

– А по какую сторону забора вам следует быть? – с улыбкой спросила юная девица.

– По ту, где вы, – ответил молодой человек.

И они пошли назад по лавровой аллее. Вдруг трижды протрубил, приближаясь, автомобильный гудок: элегантный автомобиль светло-зеленого цвета, словно птица, подлетел к подъезду и, весь трепеща, остановился.

– Ого, – сказал молодой человек в красном галстуке, – вот уж кто родился с той стороны, где следует. Я не знал, мисс Адамс, что у вашей семьи столь новомодный Дед Мороз.

– Это мой крестный отец, сэр Леопольд Фишер. Он всегда приезжает к нам на Рождество.

И после невольной паузы, выдававшей недостаток воодушевления, Руби Адамс добавила:

– Он очень добрый.

Журналист Джон Крук был наслышан о крупном дельце из Сити, сэре Леопольде Фишере, и если крупный делец не был наслышан о Джоне Круке, то уж, во всяком случае, не по вине последнего, ибо тот неоднократно и весьма непримиримо отзывался о сэре Леопольде на страницах «Призыва» и «Нового века». Впрочем, сейчас мистер Крук не говорил ни слова и с мрачным видом наблюдал за разгрузкой автомобиля, – а это была длительная процедура. Сначала открылась передняя дверца, и из машины вылез высокий элегантный шофер в зеленом, затем открылась задняя дверца, и из машины вылез низенький элегантный слуга в сером, затем они вдвоем извлекли сэра Леопольда и, взгромоздив на крыльцо, стали распаковывать его, словно ценный, тщательно увязанный узел. Под пледами, столь многочисленными, что их хватило бы на целый магазин, под шкурами всех лесных зверей и шарфами всех цветов радуги обнаружилось наконец нечто, напоминающее человеческую фигуру, нечто, оказавшееся довольно приветливым, хотя и смахивающим на иностранца, старым джентльменом с седой козлиной бородкой и сияющей улыбкой, который стал потирать руки в огромных меховых перчатках.

Но еще задолго до конца этой процедуры двери дома отворились и на крыльцо вышел полковник Адамс (отец молодой леди в шубке), чтобы встретить и ввести в дом почетного гостя. Это был высокий, смуглый и очень молчаливый человек в красном колпаке, напоминающем феску и придававшим ему сходство с английским сардаром или египетским пашой. Вместе с ним вышел его шурин, молодой фермер, недавно приехавший из Канады, – крепкий и шумливый мужчина со светлой бородкой, по имени Джеймс Блаунт. Их обоих сопровождала еще одна весьма скромная личность – католический священник из соседнего прихода. Покой-

ная жена полковника была католичкой, и дети, как принято в таких случаях, воспитывались в католичестве. Священник этот был ничем не примечателен, даже фамилия у него была заурядная – Браун. Однако полковник находил его общество приятным и часто приглашал к себе.

В просторном холле было довольно места даже для сэра Леопольда и его многочисленных оболочек. Холл этот, непомерно большой для такого дома, представлял собой огромное помещение, в одном конце которого находилась наружная дверь с крыльцом, а в другом – лестница на второй этаж. Здесь, перед камином с висящей над ним шпагой полковника, процедура раздевания нового гостя была завершена, и все присутствующие, в том числе и мрачный Крук, были представлены сэру Леопольду Фишеру. Однако почтенный финансист все еще продолжал сражаться со своим безукоризненно сшитым одеянием. Он долго рылся во внутреннем кармане фрака и наконец, весь светясь от удовольствия, извлек оттуда черный овальный футляр, заключавший, как он пояснил, рождественский подарок для его крестницы. С нескрываемым и потому обезоруживающим тщеславием он высоко поднял футляр, так, чтобы все могли его видеть, затем слегка нажал пружину – крышка откинулась, и все замерли, ослепленные: фонтан кристаллизованного света вдруг забил у них перед глазами. На оранжевом бархате, в углублении, словно три яйца в гнезде, лежали три чистых сверкающих бриллианта, и казалось, даже воздух загорелся от их огня. Фишер стоял, расплывшись в благожелательной улыбке, упиваясь изумлением и восторгом девушки, сдержанным восхищением и немногословной благодарностью полковника, удивленными возгласами остальных.

– Пока что я положу их обратно, милочка, – сказал Фишер, засовывая футляр в задний карман своего фрака. – Мне пришлось вести себя очень осторожно, когда я ехал сюда. Имейте в виду, что это – три знаменитых африканских бриллианта, которые называются «летучими звездами», потому что их уже неоднократно похищали. Все крупные преступники охотятся за ними, но и простые люди на улице и в гостинице, разумеется, рады были бы заполучить их. У меня могли украсть бриллианты по дороге сюда. Это было вполне возможно.

– Я бы сказал, вполне естественно, – сердито заметил молодой человек в красном галстуке. – И я бы никого не стал винить в этом. Когда люди просят хлеба, а вы не даете им даже камня, я думаю, они имеют право сами взять себе этот камень.

– Не смейте так говорить! – с непонятной запальчивостью воскликнула девушка. – Вы говорите так только с тех пор, как стали этим ужасным... ну, как это называется? Как называют человека, который готов обниматься с трубочистом?

– Святым, – сказал отец Браун.

– Я полагаю, – возразил сэр Леопольд со снисходительной усмешкой, – что Руби имеет в виду социалистов.

– Радикал – это не тот, кто извлекает корни, – заметил Крук с некоторым раздражением, – а консерватор вовсе не консервирует фрукты. Смею вас уверить, что и социалисты совершенно не жаждут якшаться с трубочистами. Социалист – это человек, который хочет, чтобы все трубы были прочищены и чтобы всем трубочистам платили за работу.

– Но который считает, – тихо добавил священник, – что ваша собственная сажа вам не принадлежит.

Крук взглянул на него с интересом и даже с уважением.

– Кому может понадобиться собственная сажа? – спросил он.

– Кое-кому, может, и понадобится, – ответил Браун серьезно. – Говорят, например, что ею пользуются садовники. А сам я однажды на Рождество доставил немало радости шестерым ребятишкам, которые ожидали Деда Мороза, исключительно с помощью сажи, примененной как наружное средство.

– Ах, как интересно! – вскричала Руби. – Вот бы вы повторили это сегодня для нас!

Энергичный канадец мистер Блаунт возвысил свой и без того громкий голос, присоединяясь к предложению племянницы; удивленный финансист тоже возвысил голос, выражая

решительное неодобрение, но в это время кто-то постучал в парадную дверь. Священник распахнул ее, и глазам присутствующих вновь представился сад с араукарией и вечнозелеными деревьями, теперь уже темнеющими на фоне великолепного фиолетового заката. Этот вид, как бы вставленный в раму раскрытой двери, был настолько красив и необычен, что казался театральной декорацией. Несколько мгновений никто не обращал внимания на человека, остановившегося на пороге. Это был, видимо, обыкновенный посыльный в запыленном поношенном пальто.

– Кто из вас мистер Блаунт, джентльмены? – спросил он, протягивая письмо. Мистер Блаунт вздрогнул и осекся, не окончив своего одобрительного возгласа. С недоуменным выражением он надорвал конверт и стал читать письмо; при этом лицо его сначала омрачилось, затем просветлело, и он повернулся к своему зятю и хозяину.

– Мне очень неприятно причинять вам столько беспокойства, полковник, – начал он с веселой церемонностью Нового Света, – но не злоупотреблю ли я вашим гостеприимством, если вечером ко мне зайдет сюда по делу один мой старый приятель? Впрочем, вы, наверно, слышали о нем – это Флориан, знаменитый французский акробат и комик. Я с ним познакомился много лет назад на Дальнем Западе (он по рождению канадец). А теперь у него ко мне какое-то дело, хотя убей не знаю какое.

– Полноте, полноте, дорогой мой, – любезно ответил полковник. – Вы можете приглашать кого угодно. К тому же он, без сомнения, будет как раз кстати.

– Он вымажет себе лицо сажей, если вы это имеете в виду, – смеясь, воскликнул Блаунт, – и всем наставит фонарей под глазами. Я лично не возражаю, я человек простой и люблю веселую старую пантомиму, в которой герой садится на свой цилиндр.

– Только не на мой, пожалуйста, – с достоинством произнес сэр Леопольд Фишер.

– Ну ладно, ладно, – весело вступился Крук, – не будем ссориться. Человек на цилиндре – это еще не самая низкопробная шутка!

Неприязнь к молодому человеку в красном галстуке, вызванная его грабительскими убеждениями и его очевидным ухаживанием за хорошенькой крестницей Фишера, побудила последнего заметить саркастически повелительным тоном:

– Не сомневаюсь, что вам известны и более грубые шутки. Не приведете ли вы нам в пример хоть одну?

– Извольте: цилиндр на человеке, – отвечал социалист.

– Ну, ну, ну! – воскликнул канадец с благодушием истинного варвара. – Не надо портить праздник. Давайте-ка повеселим сегодня общество. Не будем мазать лица сажей и садиться на шляпы, если вам это не по душе, но придумаем что-нибудь в том же роде. Почему бы нам не разыграть настоящую старую английскую пантомиму – с клоуном, Коломбиной и всем прочим? Я видел такое представление перед отъездом из Англии, когда мне было лет двенадцать, и у меня осталось о нем воспоминание яркое, как костер. А когда я в прошлом году вернулся, оказалось, что пантомим больше не играют. Ставят одни только плаксивые волшебные сказки. Я хочу видеть хорошую потасовку, раскаленную кочергу, полисмена, которого разделявают на котлеты, а мне преподносят принцесс, разглагольствующих при лунном свете, синих птиц и тому подобную ерунду. Синяя Борода – это по мне, да и тот нравится мне больше всего в виде Панталоне.

– Я всей душой поддерживаю предложение разделить полисмена на котлеты, – сказал Джон Крук, – это гораздо более удачное определение социализма, чем то, которое здесь недавно приводилось. Но спектакль – дело, конечно, слишком сложное.

– Да что вы! – с увлечением закричал на него мистер Блаунт. – Устроить арлекинаду? Ничего нет проще! Во-первых, можно нести любую отсебятину, а во-вторых, на реквизит и декорации сгодится всякая домашняя утварь – столы, вешалки, бельевые корзины и так далее.

– Да, это верно. – Крук оживился и стал расхаживать по комнате. – Только вот боюсь, что мне не удастся раздобыть полицейский мундир. Давно уж не убивал я полисмена.

Блаунт на мгновение задумался и вдруг хлопнул себя по ляжке.

– Достанем! – воскликнул он. – Тут в письме есть телефон Флориана, а он знает всех костюмеров в Лондоне. Я позвоню ему и велю захватить с собой костюм полисмена.

И он кинулся к телефону.

– Ах, как чудесно, крестный, – Руби была готова заплясать от радости, – я буду Коломбиной, а вы – Панталоне.

Миллионер выпрямился и замер в величественной позе языческого божества.

– Я полагаю, моя милая, – сухо проговорил он, – что вам лучше поискать кого-нибудь другого для роли Панталоне.

– Я могу быть Панталоне, если хочешь, – в первый и последний раз вмешался в разговор полковник Адамс, вынув изо рта сигару.

– Вам за это нужно памятник поставить, – воскликнул канадец, с сияющим лицом вернувшийся от телефона. – Ну вот, значит, все устроено. Мистер Крук будет клоуном – он журналист и, следовательно, знает все устаревшие шутки. Я могу быть Арлекином – для этого нужны только длинные ноги и умение прыгать. Мой друг Флориан сказал мне сейчас, что достанет по дороге костюм полисмена и переоденется. Представление можно устроить здесь, в этом холле, а публику мы посадим на ступеньки лестницы. Входные двери будут задником; если их закрыть, у нас получится внутренность английского дома, а открыть – освещенный луною сад. Ей-богу, все устраивается точно по волшебству.

И, выхватив из кармана кусок мела, унесенного из бильярдной, он провел на полу черту, отделив воображаемую сцену.

Как им удалось подготовить в такой короткий срок даже это дурацкое представление – остается загадкой. Но они принялись за дело с тем безрассудным рвением, которое возникает, когда в доме живет юность. А в тот вечер в доме жила юность, хотя не все, вероятно, догадались, в чьих глазах и в чьих сердцах она горела. Как всегда бывает в таких случаях, затея становилась все безумнее при всей буржуазной благонравности ее происхождения. Коломбина была очаровательна в своей широкой торчащей юбке, до странности напоминавшей большой абажур из гостиной. Клоун и Панталоне набелили себе лица мукой, добытой у повара, и покрасили щеки румянами, тоже позаимствованными у кого-то из домашних, пожелавшего (как и подобает истинному благодетелю-христианину) остаться неизвестным. Арлекина, уже нарядившегося в костюм из серебряной бумаги, извлеченной из сигарных ящичков, с большим трудом удалось остановить в тот момент, когда он собирался разбить старинную хрустальную люстру, чтобы украсить ее сверкающими подвесками. Он бы наверняка осуществил свой замысел, если бы Руби не откопала для него где-то поддельные драгоценности, украшавшие когда-то на маскараде костюм бубновой дамы. Кстати сказать, ее дядюшка Джеймс Блаунт до того разошелся, что с ним никакого сладу не было; он вел себя как озорной школьник. Он нахлобучил на отца Брауна бумажную ослиную голову, а тот терпеливо снес это и к тому же изобрел какой-то способ шевелить ее ушами. Блаунт сделал также попытку прицепить ослиный хвост к фалдам сэра Леопольда Фишера, но на сей раз его выходка была принята куда менее благосклонно.

– Дядя Джеймс слишком уж развеселился, – сказала Руби, с серьезным видом вешая Круку на шею гирлянду сосисок. – Что это он?

– Он Арлекин, а вы Коломбина, – ответил Крук. – Ну а я только клоун, который повторяет устарелые шутки.

– Лучше бы вы были Арлекином, – сказала она, и сосиски, раскачиваясь, повисли у него на шее.

Хотя отцу Брауну, успевшему уже вызвать аплодисменты искусным превращением подушки в младенца, было отлично известно все происходившее за кулисами, он тем не менее

присоединился к зрителям и уселся среди них с выражением торжественного оживления на лице, словно ребенок, впервые попавший в театр.

Зрителей было немного – родственники, кое-кто из соседей и слуги. Сэр Леопольд занял лучшее место, и его массивная фигура почти совсем загородила сцену от маленького священника, сидевшего позади него; но много ли при этом потерял священник, театральная критика не знает. Пантомима являла собой нечто совершенно хаотическое, но все-таки она была не лишена известной прелести, – ее оживляла и пронизывала искрометная импровизация клоуна Крука. В обычных условиях Крук был просто умным человеком, но в тот вечер он чувствовал себя всеведущим и всемогущим – неразумное чувство, мудрое чувство, которое приходит к молодому человеку, когда он на какой-то миг уловит на некоем лице некое выражение. Считалось, что он исполняет роль клоуна; на самом деле он был еще автором (насколько тут вообще мог быть автор), суфлером, декоратором, рабочим сцены и в довершение всего оркестром. Во время коротких перерывов в этом безумном представлении он в своих клоунских доспехах кидался к роялю и барабанил на нем отрывки из популярных песенок, настолько же неуместных, насколько и подходящих к случаю.

Кульминационным пунктом спектакля, а также и всех событий, было мгновение, когда двери на заднем плане сцены вдруг распахнулись и зрителям открылся сад, залитый лунным светом, на фоне которого отчетливо вырисовывалась фигура знаменитого Флориана. Клоун забарабанил хор полицейских из оперетты «Пираты из Пензанса»²⁰, но звуки рояля потонули в оглушительной овации: великий комик удивительно точно и почти совсем естественно воспроизводил жесты и осанку полисмена. Арлекин подпрыгнул к нему и ударил его по каске, пианист заиграл «Где ты раздобыл такую шляпу?» – а он только озирался вокруг, с потрясающим мастерством изображая изумление; Арлекин подпрыгнул еще и опять ударил его; а пианист сыграл несколько тактов из песенки «А затем еще разок...». Потом Арлекин бросился прямо в объятия полисмена и под грохот аплодисментов повалил его на пол. Тогда-то французский комик и показал свой знаменитый номер «Мертвец на полу», память о котором и по сей день живет в окрестностях Путни. Невозможно было поверить, что это живой человек. Здоровяк Арлекин раскачивал его, как мешок, из стороны в сторону, подбрасывал и крутил, как резиновую дубинку, – и все это под утомительные звуки дурацких песенок в исполнении Крука. Когда Арлекин с натугой оторвал от пола тело комика-констебля, шут за роялем заиграл «Я восстал ото сна, мне снилася ты», когда он взвалил его себе на спину, послышалось «С котомкой за плечами», а когда, наконец, Арлекин с весьма убедительным стуком опустил свою ношу на пол, пианист, вне себя от восторга, заиграл бойкий мотивчик на такие – как полагают по сей день – слова: «Письмо я милой написал и бросил по дороге».

Приблизительно в то же время – в момент, когда безумство на импровизированной сцене достигло апогея, – отец Браун совсем перестал видеть актеров, ибо прямо перед ним почтенный магнат из Сити встал во весь рост и принялся ошалело шарить у себя по карманам. Потом он в волнении уселся, все еще роясь в карманах, потом опять встал и вознамерился было перешагнуть через рампу на сцену, однако ограничился тем, что бросил свирепый взгляд на клоуна за роялем и, не говоря ни слова, пулей вылетел из зала.

В течение нескольких последующих минут священник имел полную возможность следить за дикой, но не лишенной известного изящества пляской любителя-Арлекина над артистически бесчувственным телом его врага. С подлинным, хотя и грубоватым искусством Арлекин танцевал теперь в распахнутых дверях, потом стал уходить все дальше и дальше в глубь сада, наполненного тишиной и лунным светом. Его наскоро склеенное из бумаги одеяние,

²⁰ «Пираты из Пензанса» – популярная оперетта английского композитора Артура Сеймора Салливана (1842–1900), поставленная в 1879 году по либретто У. С. Гилберта (1836–1911).

слишком уж сверкающее в огнях рампы, становилось волшебнo-серебристым по мере того, как он удалялся, танцуя в лунном сиянии.

Зрители с громом аплодисментов повскакали с мест и бросились к сцене, но в это время отец Браун почувствовал, что кто-то тронул его за рукав и шепотом попросил пройти в кабинет полковника.

Он последовал за слугой со все возрастающим чувством беспокойства, которое отнюдь не уменьшилось при виде торжественно-комической сцены, представившейся ему, когда он вошел в кабинет. Полковник Адамс, все еще наряженный в костюм Панталоне, сидел, понуро кивая рогом китового уса, и в старых его глазах была печаль, которая могла бы отрезвить вакханалию. Опершись о камин и тяжело дыша, стоял сэр Леопольд Фишер; вид у него был перепуганный и важный.

– Произошла очень неприятная история, отец Браун, – сказал Адамс. – Дело в том, что бриллианты, которые мы сегодня видели, исчезли у моего друга из заднего кармана. А так как вы...

– А так как я, – продолжил отец Браун, простодушно улыбнувшись, – сидел позади него...

– Ничего подобного, – с нажимом сказал полковник Адамс, в упор глядя на Фишера, из чего можно было заключить, что нечто подобное уже было высказано. – Я только прошу вас как джентльмена оказать нам помощь.

– То есть вывернуть свои карманы, – закончил отец Браун и поспешил это сделать, вытащив на свет Божий семь шиллингов шесть пенсов, обратный билет в Лондон, маленькое серебряное распятие, маленький требник и плитку шоколада.

Полковник некоторое время молча глядел на него, а затем сказал:

– Признаться, содержимое вашей головы интересует меня гораздо больше, чем содержимое ваших карманов. Ведь моя дочь – ваша воспитанница. Так вот, в последнее время она... – Он не договорил.

– В последнее время, – выкрикнул почтенный Фишер, – она открыла двери отцовского дома головорезу-социалисту, и этот малый открыто заявляет, что всегда готов обокрасть богатого человека. Вот к чему это привело. Перед вами богатый человек, которого обокрали!

– Если вас интересует содержимое моей головы, то я могу вас с ним познакомить, – бесстрастно сказал отец Браун. – Чего оно стоит, судите сами. Вот что я нахожу в этом старейшем из моих карманов: люди, намеревающиеся украсть бриллианты, не провозглашают социалистических идей. Скорее уж, – добавил он кротко, – они станут осуждать социализм.

Оба его собеседника быстро переглянулись, а священник продолжал:

– Видите ли, мы знаем этих людей. Социалист, о котором идет речь, так же не способен украсть бриллианты, как и египетскую пирамиду. Нам сейчас следует заняться другим человеком, тем, который нам незнаком. Тем, кто играет полисмена. Хотелось бы мне знать, где именно он находится в данную минуту.

Панталоне вскочил с места и большими шагами вышел из комнаты. Вслед за этим последовала интерлюдия, во время которой миллионер смотрел на священника, а священник смотрел в свой требник. Панталоне вернулся и отрывисто сказал:

– Полисмен все еще лежит на сцене. Занавес поднимали шесть раз, а он все еще лежит.

Отец Браун выронил книгу, встал и остолбенел, глядя перед собой, словно пораженный внезапным умственным расстройством. Но мало-помалу его серые глаза оживились, и тогда он спросил, казалось бы, без всякой связи с происходящим:

– Простите, полковник, когда умерла ваша жена?

– Жена? – удивленно переспросил старый воин. – Два месяца назад. Ее брат Джеймс опоздал как раз на неделю и уже не застал ее.

Маленький священник подпрыгнул, как подстреленный кролик.

– Живее! – воскликнул он с необычной для себя горячностью. – Живее! Нужно взглянуть на полисмена!

Они нырнули под занавес, чуть не сбив с ног Коломбину и клоуна (которые мирно шептались в полутьме), и отец Браун нагнулся над распростертым комиком-полисменом.

– Хлороформ, – сказал он, выпрямляясь. – И как я раньше не догадался!

Все молчали в недоумении. Потом полковник медленно произнес:

– Пожалуйста, объясните толком, что все это значит?

Отец Браун вдруг громко расхохотался, потом сдержался и проговорил, задыхаясь и с трудом подавляя приступы смеха:

– Джентльмены, сейчас не до разговоров. Мне нужно догнать преступника. Но этот великий французский актер, который играл полисмена, этот гениальный мертвец, с которым вальсировал Арлекин, которого он подбрасывал и швырял во все стороны, – это... – Он не договорил и заторопился прочь.

– Это – кто? – крикнул ему вдогонку Фишер.

– Настоящий полисмен, – ответил отец Браун и скрылся в темноте.

В дальнем конце сада сверкающие листвою купы лавровых и других вечнозеленых деревьев даже в эту зимнюю ночь создавали на фоне сапфирового неба и серебряной луны впечатление южного пейзажа. Ярко-зеленые колышущиеся лавры, глубокая, отливающая пурпуром синева небес, луна, как огромный волшебный кристалл, – все было исполнено легкомысленной романтики. А сверху, по веткам деревьев, карабкалась какая-то странная фигура, имеющая вид не столько романтический, сколько неправдоподобный. Человек этот весь искрился, как будто облаченный в костюм из десяти миллионов лун; при каждом его движении свет настоящей луны загорался на нем новыми вспышками голубого пламени. Но, сверкающий и дерзкий, он ловко перебирался с маленького деревца в этом саду на высокое развесистое дерево в соседнем и задержался там только потому, что чья-то тень скользнула в это время под маленькое дерево и чей-то голос окликнул его снизу.

– Ну что ж, Фламбо, – произнес голос, – вы действительно похожи на летучую звезду, но ведь звезда летучая в конце концов всегда становится звездой падучей.

Наверху, в ветвях лавра, искрящаяся серебром фигура наклоняется вперед и, чувствуя себя в безопасности, прислушивается к словам маленького человека.

– Это самая виртуозная из всех ваших проделок, Фламбо. Приехать из Канады (с билетом из Парижа, надо полагать) через неделю после смерти миссис Адамс, когда никто не расположен задавать вопросы, – ничего не скажешь, ловко придумано. Еще того ловчей вы сумели выследить «летучие звезды» и разведать день приезда Фишера. Но в том, что за этим последовало, чувствуется уже не ловкость, а подлинный гений. Выкрасть камни для вас, конечно, не составляло труда. При вашей ловкости рук вы могли бы и не привешивать ослиный хвост к фалдам фишеровского фрака. Но в остальном вы затмили самого себя.

Серебристая фигура в зеленой листве медлит, точно загипнотизированная, хотя путь к бегству открыт; человек на дереве внимательно смотрит на человека внизу.

– Да-да, – говорит человек внизу, – я знаю все. Я знаю, что вы не просто навязали всем эту пантомиму, но сумели извлечь из нее двойную пользу. Сначала вы собирались украсть эти камни без лишнего шума, но тут один из сообщников известил вас о том, что вас выследили и опытный сыщик должен сегодня застать вас на месте преступления. Заурядный вор сказал бы спасибо за предупреждение и скрылся. Но вы – поэт. Вам тотчас же пришла в голову остроумная мысль спрятать бриллианты среди блеска бутафорских драгоценностей. И вы решили, что если на вас будет настоящий наряд Арлекина, то появление полисмена покажется вполне естественным. Достойный сыщик вышел из полицейского участка в Путни, намереваясь поймать вас, и сам угодил в ловушку, хитрее которой еще никто не придумывал. Когда отворились двери дома, он вошел и попал прямо на сцену, где разыгрывалась рождественская пантомима

и где пляшущий Арлекин мог его толкать, колотить ногами, кулаками и дубинкой, оглушить и усыпить под дружный хохот самых респектабельных жителей Путни. Да, лучше этого вам никогда ничего не придумать. А сейчас, кстати говоря, вы можете отдать мне эти бриллианты.

Зеленая ветка, на которой покачивается сверкающая фигура, шелестит, словно от изумления, но голос продолжает:

– Я хочу, чтобы вы их отдали, Фламбо, и я хочу, чтобы вы покончили с такой жизнью. У вас еще есть молодость, и честь, и юмор, но при вашей профессии их неостанет. Можно держаться на одном и том же уровне добра, но никому никогда не удавалось удержаться на одном уровне зла. Этот путь ведет под гору. Добрый человек пьет и становится жестоким; правдивый человек убивает и потом должен лгать. Много я знавал людей, которые начинали, как вы, благородными разбойниками, веселыми грабителями богатых и кончали в мерзости и грязи. Морис Блюм начинал как анархист по убеждению, отец бедняков, а кончил грязным шпионом и доносчиком, которого обе стороны эксплуатировали и презирали. Гарри Бэрк, организатор движения «Деньги для всех», был искренне увлечен своей идеей, – теперь он живет на содержании полуголодной сестры и пропивает ее последние гроши. Лорд Эмбер первоначально очутился на дне в роли странствующего рыцаря, теперь же самые подлые лондонские подонки шантажируют его, и он им платит. А капитан Барийон, некогда знаменитый джентльмен-апаш, умер в сумасшедшем доме, помешавшись от страха перед сыщиками и скупщиками краденого, которые его предали и затравили.

Я знаю, у вас за спиной вольный лес, и он очень заманчив, Фламбо. Я знаю, что в одно мгновение вы можете исчезнуть там, как обезьяна. Но когда-нибудь вы станете старой седой обезьяной²¹, Фламбо. Вы будете сидеть в вашем вольном лесу, и на душе у вас будет холод, и смерть ваша будет близко, и верхушки деревьев будут совсем голыми.

Наверху было по-прежнему тихо; казалось, маленький человек под деревом держит своего собеседника на длинной невидимой привязи. И он продолжал:

– Вы уже сделали первые шаги под гору. Раньше вы хвастались, что никогда не поступаете низко, но сегодня вы совершили низкий поступок. Из-за вас подозрение пало на честного юношу, против которого и без того восстановлены все эти люди. Вы разлучаете его с девушкой, которую он любит и которая любит его. Но вы еще не такие низости совершите, прежде чем умрете.

Три сверкающих бриллианта упали с дерева на землю. Маленький человек нагнулся, чтобы подобрать их, а когда он снова глянул вверх – зеленая древесная клетка была пуста: серебряная птица упорхнула.

Бурным ликованием было встречено известие о том, что бриллианты случайно подобраны в саду. И подумать, что на них наткнулся отец Браун. А сэр Леопольд с высоты своего благоволения даже сказал священнику, что хотя сам он и придерживается более широких взглядов, но готов уважать тех, кому убеждения предписывают затворничество и неведение дел мирских.

---

²¹ Нравственная проповедь отца Брауна – полемика Честертона с циничной проповедью героя «Портрета Дориана Грея» (1891) лорда Генри: «Но когда вы станете безобразным стариком...» – *Примеч. пер.*

Невидимка²²

В прохладных синих сумерках кондитерская на углу двух крутых улочек в Кэмден-таун светилась, словно кончик сигары или фейерверк, ибо разноцветные огни, дробясь в зеркалах, весело плясали на причудливо украшенных тортах и сладостях в золотистых обертках. Витрину облепили мальчишки-разносчики; красные, золотые и зеленые фантики манили их едва ли не больше, чем сами конфеты, а белые свадебные торты высились неприступные и желанные, как Северный полюс. Это радужное великолепие собрало всю окрестную детвору в возрасте от десяти до двенадцати лет. Впрочем, перед сиянием витрины не устоял и кое-кто постарше. Рыжий молодой человек лет двадцати четырех мялся тут же, и хотя в кондитерскую его влекли иные чары, от конфеты и он бы не отказался.

Молодой человек отличался высоким ростом, крепким телосложением, решительным лицом и неторопливостью движений. Под мышкой он сжимал серую папку с рисунками, которые иногда успешно, иногда не очень продавал в газеты с тех самых пор, как дядя-адмирал лишил его наследства за социалистические взгляды, выслушав тираду, в которой юноша обличал именно эту экономическую теорию. Звали его Джон Тернбулл Энгус.

Войдя наконец в кондитерскую, юноша направился в заднюю часть помещения, в кафетерий. Там он слегка приподнял шляпу и поприветствовал официантку, быстроглазую и смуглую девушку в черном, с румянцем во всю щеку. Спустя положенное время она подошла принять заказ.

Заказ этот, очевидно, повторялся изо дня в день.

– Принесите мне, – произнес юноша громко, – булочку за полпенни и маленькую чашку черного кофе. – Не успела девушка отвернуться, как он добавил: – И выходите за меня замуж.

– Я таких шуток не одобряю! – возмутилась юная леди.

Рыжеволосый юноша взглянул на нее с неожиданной серьезностью:

– Поверьте, я не шучу. Я серьезен, как эта булочка. Она дается не даром – за нее приходится платить. Не говоря уже о том, что от нее портится пищеварение.

Смуглая юная леди всматривалась в юношу с какой-то почти трагической зоркостью. Наконец тень улыбки промелькнула по ее лицу, и она уселась напротив.

– Не кажется ли вам, – рассеянно заметил Энгус, – что поесть булочки за полпенни жестоко? Подумать только, ведь они могли бы дорасти до пенни! Когда мы поженимся, обещаю бросить эту отвратительную привычку.

Смуглая девушка встала и подошла к окну. Что-то тяготило ее, но не молодой воздыхатель был причиной ее тревоги. Когда она наконец решительным движением отвернулась от окна, то с изумлением увидела, как он аккуратно расставляет на столе сласти: пирамиду конфет в ярких обертках, тарелки с бутербродами, два графина с портвейном и хересом, незаменимых в кондитерском деле, а посередине красуется главное украшение витрины – огромный торт в белой глазури.

– Что вы задумали? – воскликнула девушка.

– То, что должно, дорогая Лаура, – начал Энгус.

– Постойте, – перебила она, – и, ради Бога, оставьте этот тон. Я спрашиваю, что все это значит?

– Свадебный пир, мисс Хоуп.

– А это? – Лаура нетерпеливо указала на сахарную гору.

– Свадебный торт, миссис Энгус.

Лаура решительно подошла к столу, подняла торт и с грохотом водрузила обратно на витрину. Вернувшись, она оперлась локотками о стол и смерила юношу довольно благосклонным, хотя и сердитым взглядом.

– Вы не дали мне времени на раздумья.

– Я же не глупец, – отозвался Энгус. – Так далеко мое христианское смирение не простирается.

Лаура смотрела на него, становясь все мрачнее.

– Мистер Энгус, – произнесла она твердо, – прежде чем вы продолжите делать глупости, я хочу кратко рассказать кое-что о себе.

– Весьма польщен, – серьезно ответил Энгус. – А заодно, если вас не затруднит, что-нибудь и обо мне.

– Дайте же сказать! Я не стыжусь и не испытываю особенных сожалений, но эта история не дает мне спокойно спать по ночам.

– В таком случае, – заявил молодой человек, – несите торт обратно.

– Сначала выслушайте, – настаивала Лаура. – Да будет вам известно, мой отец держал гостиницу «Алая рыба» в Ладбери, а я стояла за стойкой бара.

– А я-то гадаю, откуда в кондитерской так отчетливо веет христианским духом.

– Ладбери – сонная захолустная дыра в восточных графствах, а единственными постоянцами были мелкие коммивояжеры и бездельники самого отвратительного сорта, хотя едва ли вам такие встречались. У этих дрянных людишек хватало средств, чтобы вести праздную жизнь, пропустить стаканчик и поставить на бегах, а одевались они дурно, но с претензией на шик. Впрочем, захаживали они редко, зато те двое не вылезали из бара. Оба с деньгами, разодетые в пух и прах, оба раздражающе праздные.

Признаться, я их жалела, думая, что они выбрали наш убогий пустой бар из-за своих физических недостатков, недостатков того рода, над которыми так любит потешаться деревенщина. Назвать их уродствами язык не повернется, скорее это были странности. Один был до смешного мал ростом, как гном или, на худой конец, жокей. Впрочем, вид у него был совсем не жокейский: голова как шар, черные волосы, черная аккуратная бородка, живые птичьи глаза. Он звенел монетами в карманах, брэнчал золотой цепочкой от часов и одевался слишком тщательно, чтобы сойти за джентльмена. Впрочем, этот коротышка обладал недюжинным, хотя и праздным умом и был мастак создавать разные забавные и бесполезные штуки. Показывал фокусы, заставлял пятнадцать сложенных спичек вспыхивать одна за другой, вырезал из бананов танцующих куколок. Звали его Исидор Смайт. Так и вижу, как он, сморщив смуглое темное личико, мастерит из пяти сигар фигурку кенгуру в прыжке.

Другой был попроще и не так замечен, но почему-то внушал мне куда большее беспокойство, чем малютка Смайт. Высокий, стройный и светловолосый, нос с горбинкой. Он был по-своему привлекателен и чем-то напоминал призрака, но обладал самым выдающимся косоглазием, какое только можно вообразить. Когда он смотрел на вас в упор, вы не находили себе места и никогда не знали, куда именно он смотрит. Думаю, физический недостаток ожесточил его сердце. И пока Смайт с удовольствием демонстрировал свои обезьяньи ужимки каждому встречному, Джеймс Уэлкин только и знал, что накачиваться в баре или бродить в одиночестве по серым пустошам. Наверняка Смайта тяготил его малый рост, но он справлялся не в пример лучше. И вообразите, как я удивилась и огорчилась, когда оба, с разницей в несколько дней, предложили мне руку и сердце.

Боюсь, я тогда сильно сглупила. Но, согласитесь, эти чудаки были в некотором роде моими приятелями. Мне не хотелось, чтобы они решили, будто я отказываю из-за их уродства. И я решила схитрить, заявив, что выйду замуж только за человека, который сам проторит себе дорогу в жизни. Таковы уж мои принципы: мне не по душе проживать деньги, унаследованные

мужем. Мои намерения были самые благородные, но спустя два дня все и началось. Эти двое отправились на поиски своего счастья, словно герои какой-то глупой сказки.

С тех пор я ни разу их не видела, хотя и получила два письма от малыша Смайта, причем весьма любопытных.

– А как же другой? – спросил Энгус.

– О нем ни слуху ни духу, – ответила Лаура с запинкой. – В первом письме Смайт написал, что они с Уэлкином отправились в Лондон пешком, но тот оказался шустрым ходок, и Смайту пришлось отстать. Его подобрало бродячее шоу, где, отчасти из-за гномьей внешности, отчасти из-за ловкости рук, он приобрел успех и теперь выступает в «Аквариуме», исполняет какие-то трюки. Второе письмо, которое я получила на прошлой неделе, оказалось еще занятнее.

Молодой человек по имени Энгус опустошил кофейную чашку и кротко и терпеливо посмотрел на Лауру. Она невесело усмехнулась и продолжила:

– Видели рекламу «Бессловесная прислуга Смайта»? Если нет, вы последний на свете, кто ее не видел. Я не знаток, но это какие-то заводные механизмы. «Нажми на кнопку – вот он, дворецкий, который в рот не берет спиртного!» «Поверни ручку – и перед тобой десять горничных, не помышляющих о флирте!»

Как бы то ни было, но благодаря этим механизмам мой старый приятель, коротышка из Ладбери, гребет деньги лопатой. Не скрою, меня радует его успех, но одновременно охватывает ужас при мысли, что он может в любую минуту возникнуть на пороге и заявить, что проторил себе путь в жизни, и мне будет нечего возразить.

– А как же другой? – повторил Энгус настойчиво.

Внезапно Лаура Хоуп вскочила на ноги.

– Друг мой, похоже, вы видите меня насквозь! Вы совершенно правы. От второго я не получила ни строчки и понятия не имею, где он и что с ним, но именно он – причина моего страха. Он меня преследует и сводит с ума! Или уже свел: я ощущаю его присутствие, слышу голос, хотя его нет рядом!

– Успокойтесь, моя дорогая, – мягко промолвил Энгус, – будь он хоть сам черт, теперь он нам не страшен, раз вы о нем рассказали. Милая Лаура, с ума сходят в одиночку. А когда именно вам померещился этот косоглазый приятель?

– Я слышала смех Джеймса Уэлкина так же отчетливо, как слышу сейчас ваш голос, – уверенно заявила Лаура. – Вокруг никого не было, я стояла на углу возле кондитерской и видела одновременно обе улочки. Я успела забыть, как он смеется, хотя его смех врезается в память не меньше косоглазия. Целый год я и не думала об Уэлкине. Но клянусь, что за несколько минут до этого происшествия я получила письмо от его соперника.

– Вы заставили призрак заговорить, вскрикнуть или что-то в этом роде? – с интересом спросил Энгус.

Лаура вздрогнула, но совладала с собой и твердо ответила:

– Да. Когда я прочла письмо Исидора Смайта, в котором он сообщал о своем успехе, я отчетливо услышала, как Уэлкин промолвил: «Он тебя не получит». Как будто стоял рядом! Это ужасно, наверное, я сошла с ума.

– Если бы вы сошли с ума, – заметил молодой человек, – вы продолжали бы считать себя нормальной. Признаться, в истории с невидимым джентльменом и впрямь есть что-то загадочное. Однако две головы лучше, чем одна, – не буду утомлять вас перечислением других частей тела и с вашего позволения, как человек практичный и приземленный, верну торт на стол...

Не успел он договорить, как с улицы донесся металлический скрежет, и крошечный автомобиль на дьявольской скорости затормозил прямо перед дверью кондитерской. В то же мгновение человек в сияющем цилиндре показался на пороге, нетерпеливо пристукивая ногой.

До сих пор Энгус держался непринужденно, не желая расстраиваться раньше времени, но сейчас волнение прорвалось наружу. Он встал и шагнул навстречу незваному гостю. Одного взгляда хватило, чтобы оправдать худшие подозрения влюбленного. Элегантный наряд, телосложение гнома, дерзко торчащая борода, умные зоркие глаза, холеные нервные пальцы. Перед ним стоял не кто иной, как Исидор Смайт, некогда мастеривший кукол из банановых шкурок и спичечных коробков. Исидор Смайт, наживший миллионы на механических трезвенниках-дворецких и благонравных горничных из железа. В мгновение ока угадав конкурента, мужчины взглянули друг на друга с холодным снисхождением, которое как ничто другое выражает самый дух соперничества.

Однако мистер Смайт и виду не подал, только воскликнул:

– Мисс Хоуп видела витрину снаружи?

– Снаружи? – удивился Энгус.

– С остальным разберемся потом, – заявил крошка-миллионер. – Сперва займемся этим дурацким розыгрышем.

Элегантной тростью он ткнул в витрину, недавно опустошенную свадебными приготовлениями мистера Энгуса, который с изумлением заметил на ней длинную белую полосу. Ее определенно не было здесь раньше. Выйдя вслед за деятельным мистером Смайтом из кондитерской, он увидел, что кто-то аккуратно приклеил к стеклу не меньше полутора ярдов гербовой почтовой бумаги, на которой размашисто написал: «Если выйдете за Смайта, ему не жить».

– Лаура, – произнес Энгус, просунув рыжую голову в дверь кондитерской, – вы не сошли с ума.

– Это написал Уэлкин, – мрачно сообщил Смайт. – Я не видел его несколько лет, но он никогда про меня не забывал. За последние две недели он пять раз подбрасывал в мою квартиру письма с угрозами, и я понятия не имею, кто их приносит, разве что сам Уэлкин. Консьерж божится, что не видел никого подозрительного, а теперь этот тип у всех на виду заклеил витрину кондитерской, а посетители преспокойно...

– Совершенно верно, – подхватил Энгус, – сидят и пьют чай. Я согласен с вами, сэр, нужно действовать без промедления. Об остальном после. Этот тип не мог уйти далеко. Клянусь, десять-пятнадцать минут назад никакой бумаги тут и в помине не было. С другой стороны, едва ли мы догоним его, к тому же нам неизвестно, в какую сторону он убежал. Мой вам совет, мистер Смайт: поручите это дело энергичному сыщику, и лучше частному. Я знаю на редкость толкового малого, до его конторы на вашем автомобиле рукой подать. Молодость Фламбо прошла бурно, но сейчас вы не найдете человека честнее, а голова у него просто золотая. Мой приятель живет в Хэмпстед, в Лакнау-мэншнз.

– Странно, – заметил коротышка, подняв черные брови, – я живу за углом, в Гима-лаи-мэншнз. Не хотите поехать со мной? Я заскочу к себе, чтобы забрать эти дурацкие письма, а вы заглянете к своему приятелю-сыщику.

– Вы совершенно правы, – вежливо ответил Энгус. – Не будем терять времени.

Оба соперника в порыве учтивости церемонно поклонились даме и запрыгнули в крошечный автомобильчик. Не успели они завернуть за угол, как глазам Энгуса предстал громадный рекламный плакат с безголовой железной куклой, которая держала в руках кастрюлю. На плакате значилось: «Кухарка, которая никогда не злится».

– Я сам пользуюсь такими же, – смеясь, сказал чернобородый коротышка, – отчасти ради рекламы, отчасти ради удобства. Я не вру, эти заводные болваны принесут уголь для камина, бокал вина или расписание поездов куда шустрее, чем слуги из плоти и крови. Главное, нажать правильную кнопку. Впрочем, не стану утверждать, что у них нет недостатков.

– Неужели? – отозвался Энгус. – Есть что-то, чего они не умеют?

– Есть, – холодно отозвался Смайт, – они никогда не расскажут, кто подбросил письма.

Автомобиль коротышки был мал и стремителен, как и его хозяин. Неудивительно, ведь это Смайт его усовершенствовал. И как бы вы ни относились к рекламе заводных механизмов, их создатель не лукавил. Ощущение скорости и миниатюрности усилилось, пока они мчались по белой дороге, огибая повороты, в мертвенном, но ярком свете заходящего солнца. Вскоре повороты стали еще круче, они поднимались по спирали вознесения, как выражаются современные последователи теософии. И впрямь, соперников занесло в ту часть Лондона, которая крутизной улиц, а возможно, и живописностью не уступает Эдинбургу. Ряды многоквартирных домов вставали один над другим, а еще выше, в косых лучах солнца египетской пирамидой золотилась громада здания, к которому мчался автомобиль. Они завернули за угол, и внезапно, словно распахнулось окно, вид изменился: теперь дом возвышался над морем зеленой черепицы. Напротив, на другой стороне полумесяца, который представлял собой Гималаи-мэншнз, тянулась живая изгородь, больше похожая на оборонительный вал, чем на элемент садовой архитектуры. Ниже лежал искусственный водоем, своего рода канал или ров вокруг неприступной крепости. Автомобиль миновал лоток с каштанами, а на другом конце полумесяца Энгус успел заметить смутно синеющую фигуру полицейского, который медленно прохаживался по тротуару. Лоточник и полицейский казались единственными человеческими существами на уединенной городской окраине. Энгуса посетило странное чувство, что эти двое олицетворяют собой безмолвную поэзию Лондона. Он представлял их персонажами рассказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.